№ 162/83

№ 162/83

ДОМЪ КНЯГИНИ М. А. ШАХОВСКОЙ, ФОНТАНКА, 27.

ОЧЕРКЪ

П. Н. СТОЛПЯНСКАГО.

XVI 0501 13

ИМПЕРАТОРСКІЙ

68-0

1916.

Петроградъ. Рыночная, 10.

2007051708

Ужъ слишкомъ много воды... На горизонтѣ — уходящее въ даль синѣющее море, на сушѣ — широкая рѣка со своими многочисленными рукавами, притоками, точно громадная рука съ безконечными пальцами, обхватывала болотистый лѣсъ; достаточно было сдѣлать нѣсколько шаговъ въ сторону отъ узкой извилистой тропы, чтобъ попасть въ топь болота, среди котораго бездонныя, покрытыя лѣтомъ яркою, манящей къ себѣ зеленью, «окна» медленно засасывали неосторожнаго путника; всюду низкія, болотныя, безмолвныя сосны, корявыя ели, тусклая ольха, изрѣдка улыбалась своей бѣлизною кудрявая березка, да позднею осенью, кое-гдѣ на пригоркахъ, краснѣла рябина, сверху до низу осыпанная стайками свиристелей, остановившихся на отдыхъ въ своемъ зимнемъ пролетѣ...

Тяжело пришлось великороссу въ этомъ «Парадизѣ», въ этой Ингерманландіи, когда, повинуясь «съ плачемъ и съ скрежетомъ зубовнымъ» велѣнію грознаго царя, покинулъ онъ — этотъ великороссъ — свои родныя мѣста и пришелъ сюда, на берега Невы, чтобы «топь костями забутить», какъ пѣлось въ одной изъ народныхъ пѣсенъ, сложенныхъ на построеніе Петербурга...

Запутался первоначальный обыватель и съ названіемъ многочисленныхъ рѣкъ и ручьевъ, мало-по-малу освобождавшихся изъ подъ власти вѣкового лѣса, который рубился и для новыхъ построекъ и для свай, въ безконечномъ количествѣ загоняемыхъ въ почву для ея укрѣпленія. Финнъ, жившій на берегахъ этихъ рѣкъ, далъ имъ свои имена — великороссъ или коверкалъ эти имена на свой ладъ, такъ финская «Мья» превратилась въ Мойку, или же отмѣчалъ характерныя особенности — маленькій, вертящійся изъ стороны въ сторону ручеекъ — нынѣ Екатерининскій каналъ — получилъ характерное прозвище: «Кривуши» — или же, наконецъ, не осиля первоначальнаго финскаго названія, не замѣтя какой-либо особенности, окрещивалъ первымъ попавшимся на языкъ словомъ—такъ Kämäjaki, нынѣшняя Фонтанка, превратилась въ «Безымянный Ерикъ», хотя своими размѣрами предъ другими протоками Невы, она вполнѣ не соотвѣтствовала уменьшительной формѣ: Фонтанка, съ своими большими заводями, глубоко уходившими въ низменные берега, бухтами и обширными островами, была чуть ли не вдвое шире настоящей Фонтанки, доходя мѣстами до 100—80 саж. ширины.

Выйдя изъ Невы тамъ, гдѣ и въ настоящее время, Фонтанка давала первый, не особенно большой протокъ около нынѣшней Пантелеймоновской улицы, второй протокъ, доходившій до современнаго Литейнаго проспекта, впадалъ въ Фонтанку около Симеоновскаго моста. Существуетъ преданіе, что Петръ Великій хотѣлъ воспользоваться этимъ послѣднимъ протокомъ и, расширивъ и углубивъ его, устроить на мѣстѣ нынѣшняго Литейнаго проспекта гавань, въ которую должны были входить на зимовку суда и баржи съ припасами и товарами изъ Невы. Но если этотъ проектъ и не фантазія послѣ-

дующихъ изслѣдователей жизни Петра Великаго, то во всякомъ случаѣ онъ такъ и остался проектомъ, не сохранилось никакихъ слѣдовъ, что было приступлено хотя бы къ началу его выполненія. Не нужно забывать, что Великій Преобразователь Россіи, при устройствѣ своего «Парадиза», не руководствовался какимъ-либо напередъ выработаннымъ планомъ, наоборотъ: сегодня Петръ уничтожалъ то, что задумалъ строить вчера, а черезъ нѣсколько дней появлялся и еще новый проектъ, къ разработкѣ и выполненію котораго приступали съ неменьшей энергіей лишь для того, чтобы черезъ нѣкоторое время забросить, навсегда позабыть.

Отъ нынѣшняго Симеоновскаго моста лѣвый берегъ Фонтанки начиналъ сравнительно повышаться, и протоки образовывались уже на правомъ пониженномъ берегѣ.

Не доходя до Невскаго проспекта, приблизительно съ нынѣшней площади Александринскаго Театра, начинался самый значительный протокъ Фонтанки (на приложенной выкопировкѣ онъ обозначенъ буквами а, а, а.). Вскорѣ послѣ своего начала этотъ протокъ выпускалъ отъ себя незначительный отростокъ (на выкопировкѣ в. в.), который впадалъ въ Фонтанку тамъ, гдѣ теперь Чернышевъ мостъ. Слѣды этого небольшого протока — носившаго, по всей вѣроятности, названіе «Черная рѣчка» — такихъ Черныхъ рѣчекъ въ Петровское время было безконечное число — обнаружились чуть-ли не въ наши дни при постройкѣ въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія Малаго театра. При выкапываніи рвовъ для фундамента наткнулись на этотъ протокъ или, вѣрнѣе, на его устье — пришлось предпринять новыя, не предусмотрѣнныя смѣтою работы — отводить воду, укрѣплять грунтъ забитіемъ

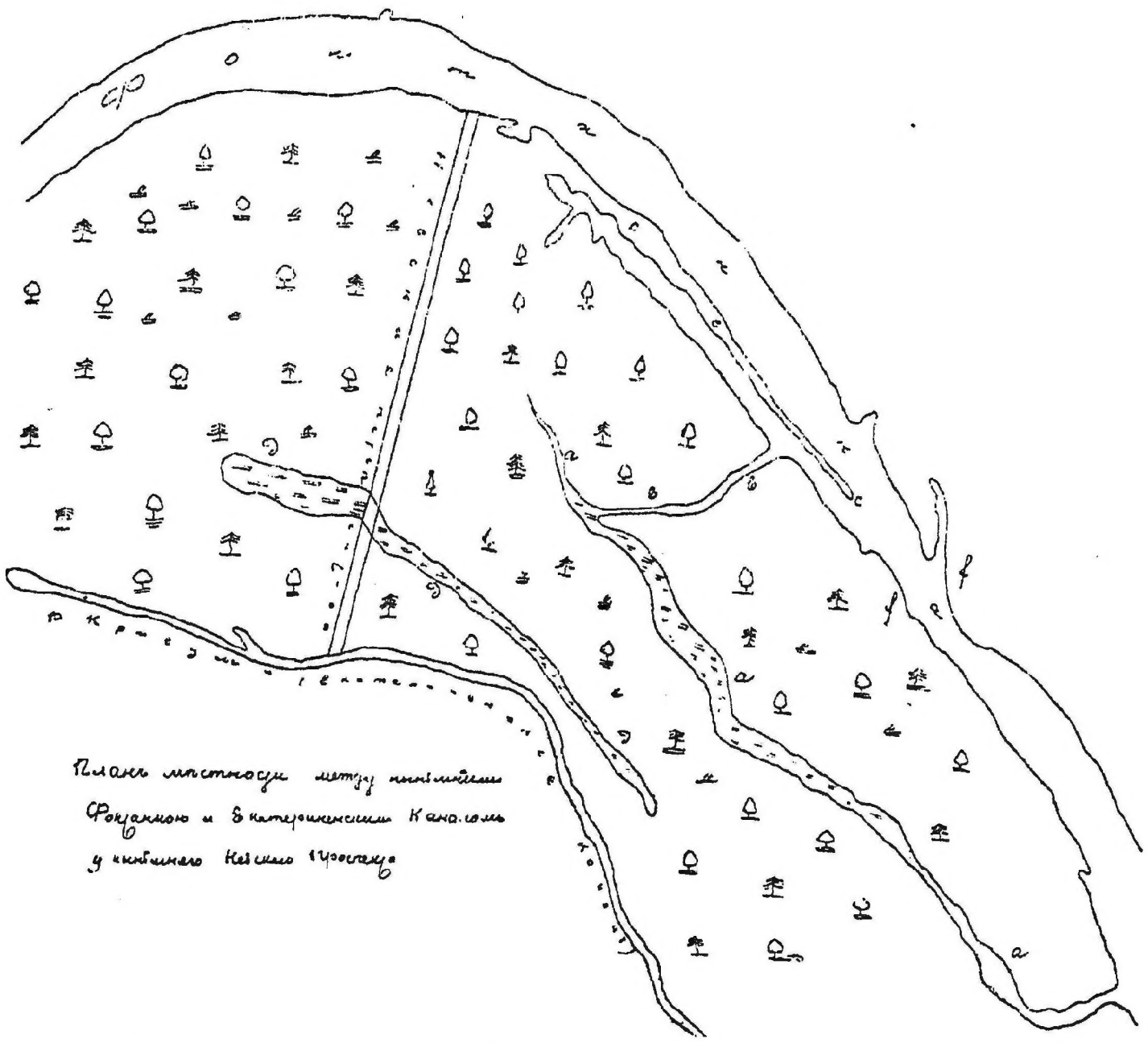
свай — и въ результатѣ строитель Малаго театра разорился.

Разсматриваемый нами главный протокъ Фонтанки (а,а), то расширяясь въ обширное болото, то суживаясь до незначительнаго ручейка, извиваясь, шелъ приблизительно около нынѣшней Садовой улицы и впадалъ въ Фонтанку за Вознесенскимъ мостомъ. Остатки этого протока сохранились и до нашихъ дней въ видѣ незначительныхъ прудовъ Юсупова сада.

Петръ Великій обратилъ вниманіе на этотъ протокъ и, не желая, очевидно, тратить государственныя деньги на его осушеніе, распорядился нарѣзать въ этой мѣстности участки и роздалъ ихъ подъ дачи своимъ ближайшимъ приближеннымъ — послѣдніе — волею или неволею — должны были приняться за устройство этихъ дачъ. Частью протокъ былъ засыпанъ, а частью обращенъ въ рыбные пруды; такой прудъ, судя по плану 1754 года, былъ и на дачѣ графа Апраксина — нынѣшній Апраксинъ рынокъ — и на усадьбѣ (теперь мѣсто Пажескаго Корпуса, въ Елисаветинскіе дни домъ канцлера графа Воронцова). Этотъ послѣдній прудъ существовалъ еще и въ первой четверти девятнадцатаго вѣка.

Что участки по рѣкѣ Фонтанкѣ не только были нарѣзаны и розданы царедворцамъ, но отчасти обстроены, видно изъ дневника камеръ-юнкера Берхгольца, который, въ описаніи маскарада 1723 года, указываетъ, что 6 сентября вся маскарадная процессія пѣшкомъ, черезъ весь городъ, пропутешествовала на рѣку Фонтанку къ президенту юстицъ-коллегіи Апраксину.

Вотъ что писалъ этотъ добросовѣстный нѣмецъ, оставившій намъ въ своихъ запискахъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для возстановленія стараго Петербурга Петровскихъ временъ:



«Какъ скоро мы (т. е. процессія герцога Гольштинскаго) высадились у почтоваго дома, передніе ряды масокъ уже открыли шествіе и хотя нашему номеру слѣдовало идти позади иностранныхъ министровъ и передъ «безпокойной братіей» (т. е. всепьянѣйшимъ соборомъ Петра Великаго) однако мы съ иностранными министрами попали позади послѣдней, такъ что наша группа (свита герцога Гольштинскаго была одѣта матросами) заключала мужскую половину маскерада. Вслѣдъ за нами шли два полковника въ качествѣ маршаловъ для женской половины, за которыми слѣдовала императрица со всѣми дамами, но онѣ не шли пѣшкомъ, а ѣхали въ открытыхъ линейкахъ (Wurstwagen), которыхъ было 8 или 10, въ шесть лошадей каждая (двѣ-три линейки, впрочемъ, оставались незанятыми и ѣхали порожнякомъ). Въ этомъ порядкѣ мы шли отъ

почтоваго дома мимо заборовъ, окружающихъ зимній домъ императора (теперь зданіе 1-го баталіона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка на Милліонной улицѣ), а потомъ, поворотя влѣво, черезъ городъ, почти возлѣ всей длинной аллеи (современный Невскій проспектъ) и еще нѣсколько далѣе, черезъ рощу, пока не пришли къ президенту юстицъ-коллегіи Апраксину. Все это составило прогулку версты въ двѣ или три, причемъ многіе тяжеловѣсные и старые люди порядочно понагрѣлись и устали. Въ этотъ разъ въ нашей процессіи нѣкоторые опять ѣхали верхомъ на маленькихъ ослахъ и, кромѣ того, явилось немало новыхъ смѣшныхъ и незнакомыхъ намъ еще масокъ. (Между тѣмъ всѣ зрители единогласно утверждали, что наша группа, какъ на сушѣ, такъ и на водѣ была самою красивою и эффектною)».

«Войдя съ задней стороны въ садъ Апраксина — повѣствуетъ далѣе Берхгольцъ — всѣ маски раздѣлились тамъ на группы, заняли разставленныя въ разныхъ мѣстахъ палатки и принялись кто за табакъ и вино, кто за кое-какое холодное кушаніе». (Берхгольцъ. Дневникъ. Часть III, стр. 148 и 149).

Изъ этого описанія видно, что уже въ 1723 году на участкѣ Апраксина былъ разбитъ садъ, нѣтъ сомнѣнія, что такіе сады были и на сосѣднихъ участкахъ, напримѣръ, и у графа Чернышева — нынѣшній Шукинъ дворъ.

Затѣмъ, въ этой же мѣстности, приблизительно съ нынѣшней Михайловской площади, по Михайловской улицѣ, Перинной линіи, тянулось обширное, глубокое болото, пересѣкавшее современный Невскій проспектъ и почти доходившее до Екатерининскаго канала — тогда рѣчки Кривуши (на прилагаемой выкопировкѣ это болото обозначено буквами d, d, d).

Это болото не такъ-то скоро подчинилось людскому усилію. Только 21 мая 1758 года послѣдовало повелѣніе Императрицы Елисаветы Петровны:

«Отъ Невскаго проспекта, противъ Суровской линіи болотное мѣсто засыпать и вокругъ Гостинаго двора для свободнаго проѣзда мѣсто очистить же» (Петровъ, Исторія Петербурга 597 стр.). Положимъ, это повелѣніе при жизни Елисаветы Петровны оставалось невыполненнымъ...

Довольно широкая Фонтанка не только замѣтно суживалась на мѣстѣ пересѣченія съ нынѣшнимъ Невскимъ проспектомъ, но отъ праваго берега ея выходила далеко въ ширину рѣки значительная отмель, которая въ видѣ длинной косы простиралась приблизительно до нынѣшняго Чернышева переулка (на выкопировкѣ отмель обозначена буквами с, с, с).

Нѣтъ сомнѣнія, что это послѣднее обстоятельство (суженіе Фонтанки при пересѣченіи ея Невскимъ проспектомъ) было учтено первоначальными строителями Петербурга.

Надо помнить, что старая дорога изъ Новгорода въ Ніеншанцъ (нынѣшняя Охта) — единственный путь сообщенія черезъ эту болотистую мѣстность возникающаго Петербурга съ отходящей на второй планъ Москвою — шла по краю Московской и Литейной частей, приблизительно тамъ, гдѣ теперь упраздненъ сравнительно недавно устроенный бульваръ надъ заключеннымъ въ трубу Лиговскимъ каналомъ.

Эта старая дорога, въ нынѣшней Кирочной улицѣ, дѣлилась на три тропы, крайняя шла къ Спасскому посаду, помѣщавшемуся приблизительно у Смольнаго монастыря, здѣсь и былъ перевозъ черезъ Неву въ Ніеншанцъ; вторая — средняя — направлялась къ не-

большой Финской деревушкѣ — Североиная мыза — располагавшейся на мѣстѣ въѣзда на Литейный мостъ; послѣдняя тропа — западная — вела къ Фонтанкѣ, на мѣсто нынѣшняго Инженернаго замка, здѣсь была мыза шведскаго маіора Конау.

Эти дороги, или вѣрнѣе тропы, въ наиболѣе топкихъ мѣстахъ замощенныя срубленными тутъ же бревнами, вполнѣ удовлетворяли немногочисленныхъ обывателей данной мѣстности. Но съ началомъ постройки Адмиралтейства пользованіе западной тропою, чтобы перевозить по ней матеріалъ, стало затруднительнымъ — ужъ слишкомъ великъ былъ кругъ: отъ мызы Конау (нынѣшній Инженерный Замокъ) приходилось подняться къ Невѣ и здѣсь ея берегомъ тащиться до Адмиралтейства.

Конечно, стали искать болѣе короткаго, прямого пути. А такъ какъ надо было переправляться черезъ Фонтанку, тогда Безымянный Ерикъ, то прежде всего нужно было найти удобное мѣсто переѣзда; такое мѣсто для переправы и было выше нами указанное: здѣсь Фонтанка значительно уже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Было еще болѣе узкое мѣсто (на выкопировкѣ оно обозначено буквою f) приблизительно тамъ, гдѣ теперь Обуховскій мостъ, но во-первыхъ, это мѣсто было дальше отъ старой Новгородской дороги, а во-вторыхъ, между Безъимяннымъ Ерикомъ и Рѣчкою Кривуши шли еще не засыпанныя болота; въ первомъ же мѣстѣ (тамъ, гдѣ Аничковъ мостъ) этихъ болотъ не приходилось переходить, такъ какъ они не доходили до этого мѣста.

По всѣмъ вѣроятіямъ, первое время перевозъ былъ паромный, но такъ какъ движеніе съ каждымъ годомъ увеличивалось, подводамъ съ грузами приходилось долгое время ждать очереди, то Петръ Великій, не смотря

на свою нелюбовь къ мостамъ, разрѣшилъ уже въ 1715 году «за большою Невою на фонтанной реке по преспиктивѣ здѣлать мостъ» (Общій Архивъ Министерства Императорскаго Двора опись № 73/187 книга 19, дѣло 80).

Мостъ этотъ строился подъ главнымъ наблюденіемъ полковника Аничкова, одного изъ первыхъ русскихъ строителей Петербурга; Аничковъ между прочимъ, строилъ и первоначальный Адмиралтейскій шпицъ — отъ имени этого полковника мостъ и получилъ названіе Аничковъ мостъ, а вовсе не отъ Аничковской слободы, будто бы построенной здѣсь же на мѣстѣ Владимірской и Троицкой улицъ.

Здѣсь, дѣйствительно, существовала слобода, но ее звали «Слобода Астраханскаго полка», и ея небольшія хибарки начинались въ линію съ Невскимъ проспектомъ, но уже за нынѣшнею Владимірскою улицею.

Такимъ образомъ 1715 годъ можетъ быть названъ эрой для исторіи разсматриваемой нами мѣстности: устройство моста закрѣпило направленіе Невскаго проспекта между нынѣшними Фонтанкою и Екатерининскимъ каналомъ — правда, Невскій проспектъ въ то время представлялъ изъ себя лишь узкую просѣку въ болотистомъ лѣсу, но уже были вызваны шведы изъ Москвы, которые должны были придать ему видъ «проспективы» или «проспективной дороги», которой такъ восхищался цитируемый нами Берхгольцъ:

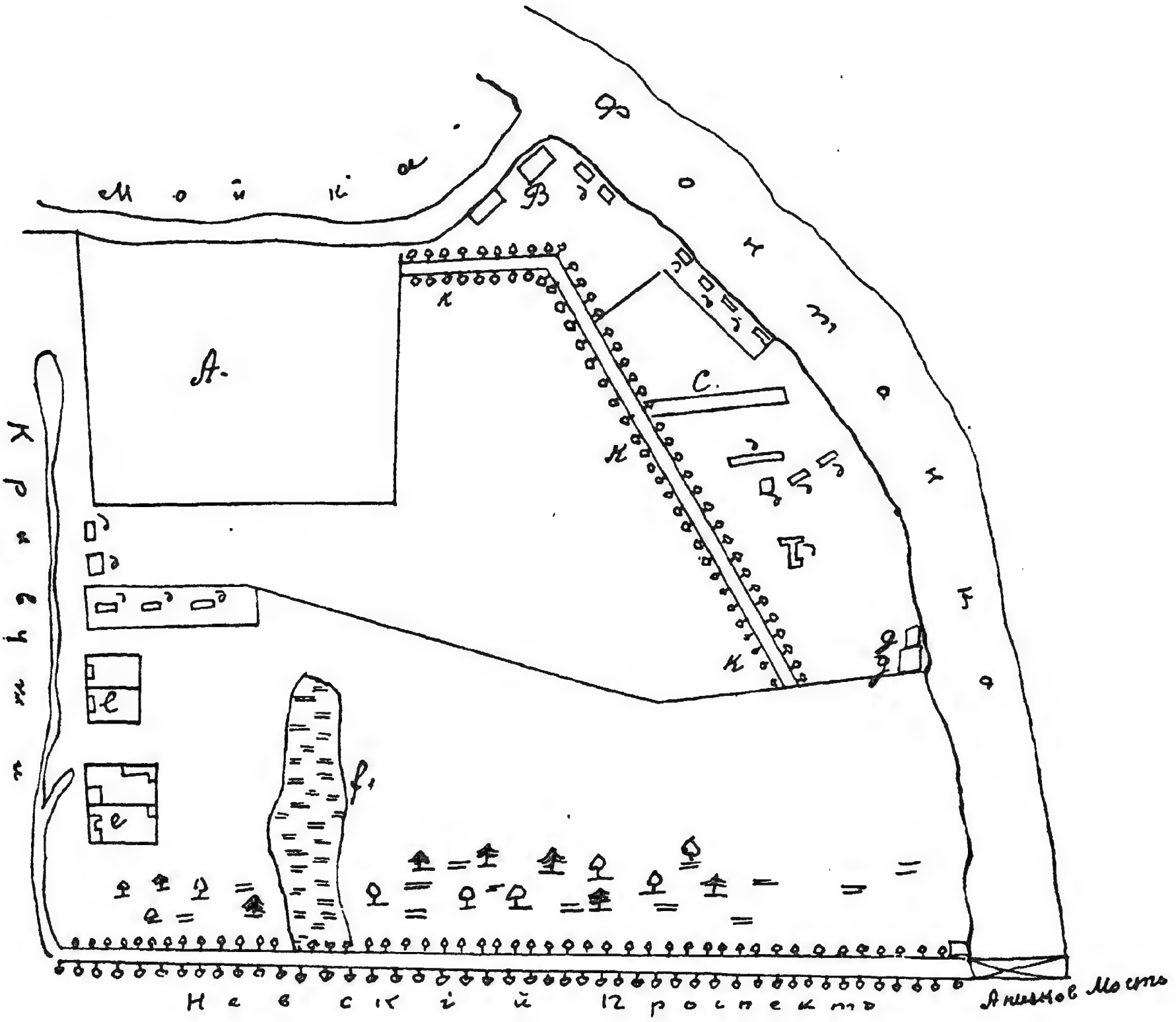
«съ самаго начала мы въѣхали въ длинную и широкую аллею, вымощенную камнемъ. Не смотря на то, что деревья, посаженныя по обѣимъ ея сторонамъ въ три или четыре ряда, еще не велики, она необыкновенно красива по своему огромному протяженію» (Берхгольцъ ч. 1, ст. 28).

II.

Одной изъ характерныхъ особенностей Петра Великаго при построеніи Петербурга было желаніе воспользоваться прежде всего тѣми мѣстами въ своемъ «Парадизѣ», которыя уже были до извѣстной степени обработаны при шведскомъ владѣніи. Поэтому-то Петръ Великій при разбивкѣ своего Лѣтняго сада воспользовался уже имѣющимся садомъ шведскаго маіора Конау. За этимъ садомъ по направленію къ Невскому проспекту между Фонтанкою, Мьею (нынѣшнею Мойкою, тогда еще не соединявшейся съ Фонтанкой, а начинавшейся въ видѣ болотнаго ручейка на мѣстѣ нынѣшняго Михайловскаго сада) и Кривушами (соединеніе Кривушей или вѣрнѣе замѣнившаго ихъ Екатерининскаго канала съ Мойкою произошло въ царствованіе Императрицы Екатерины II) Петръ Великій отвелъ мѣсто для сада своей супругѣ Императрицѣ Екатеринѣ I.

Точно опредѣлить время, когда былъ отведенъ этотъ участокъ (выкопировка № 2) довольно затруднительно, но, принимая во вниманіе, что настоящимъ переселеніемъ въ Петербургъ цариць, царевенъ и ца-

ревича слѣдуетъ считать 1712 годъ (Петровъ. Исторія Петербурга, стр. 73), можно предположить, что участокъ подъ садъ былъ отведенъ, если не въ 1712, то въ 1713—15 годахъ, т. е. или почти одновременно съ началомъ устройства Аничкова моста или нѣсколько ранѣе.



Плана первоначальнаго сада Императрицы Екатерины I пока еще не найдено, и чтобы составить себѣ хотя нѣкоторое представленіе объ этомъ садѣ царицы, намъ придется опять-таки прибѣгнуть къ Берхгольцу, который, къ сожалѣнію, въ этотъ разъ въ дневникѣ былъ очень лакониченъ:

«По окончаніи этого визита герцогъ отправился обратно на своей баркѣ и потомъ ходилъ въ садъ царицы, который недалеко отъ дома его высочества. Садъ разведенъ очень недавно и потому въ немъ нечего еще было смотрѣть, кромѣ уже довольно большихъ деревьевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ онъ будетъ весьма хорошъ, потому что царица любитъ великолѣпіе, да и мѣста довольно, чтобы сдѣлать что-нибудь порядочное. Графъ Пушкинъ, бывшій съ нами, водилъ его высочество въ маленькій домикъ, находящійся на сѣверной сторонѣ этого сада, и когда мы осмотрѣли его внизу, просилъ насъ войти на чердакъ, откуда видна большая часть Петербурга». (Берхгольцъ. Часть I, стр, 65).

Если Берхгольцъ говорилъ, что и въ 1721 году садъ былъ неустроенъ, то это происходило потому, что Берхгольцъ, при посѣщеніи сада Императрицы Екатерины I, предполагалъ найти нѣчто подобное Лѣтнему саду, между тѣмъ садъ Екатерины I никогда не имѣлъ характера сада увеселительнаго, онъ долженъ былъ быть садомъ хозяйственнымъ и поэтому-то въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ онъ постоянно зовется 2-ымъ огородомъ. Для огорода собственно было отведено мѣсто, обозначенное на выкопировкѣ № 2 подъ буквою А, — теперь здѣсь находится Михайловскій садъ, ближе къ Фонтанкѣ и Мойкѣ находился маленькій лѣтній дворецъ Екатерины I (на выкопировкѣ обозначенъ буквою В.), а дальше по Фонтанкѣ по направленію къ Невской перспективѣ были хозяйственныя постройки, между ними уже въ Петровское время была заложена каменная оранжерея, обозначенная на выкопировкѣ № 2 подъ буквою С. — Эта оранжерея была закончена въ царствованіе Императрицы Екате-

рины I (Общій Архивъ Министерства Двора, опись 73/187, картонъ 8449, книга 56, дѣло 160, листы 606—615). Есть какія-то довольно глухія указанія, что при устройствѣ сада Императрицы Екатерины I были отчуждены частныя постройки, но гдѣ находились эти постройки, опредѣлить довольно-таки мудрено, такъ какъ въ послѣдніе года своего царствованія Петръ Великій велѣлъ присоединить къ саду Императрицы Екатерины I и все пространство между нынѣшними Мойкою и Екатерининскимъ каналомъ по лѣвую сторону Невскаго проспекта, причемъ строжайше было воспрещено рубить деревья въ этом вновь отведенномъ участкѣ. Отводился этотъ участокъ потому, что Екатерина I приблизительно на мѣстѣ нынѣшняго Конюшеннаго двора начала устраивать свои конюшни — около нихъ и предполагалось устроить еще одинъ новый садъ. Въ дни Петра Великаго устраивали сады, а не вырубали ихъ, какъ это происходитъ въ наши дни не только съ частными садами, но и съ общественными.

Распоряженіе Петра Великаго о нерубкѣ деревьевъ во вновь отведенномъ участкѣ для сада Екатерины I тщательно исполнялось. 16 Мая 1722 года состоялось слѣдующее рѣшеніе:

«Отставному солдату Репинскому, который срубилъ одну сырую березу толщиною кругомъ 15 дюймовъ, объявить указъ, что онъ за оную посѣчку подлежитъ наказанію кнутомъ; но ради многовременной Его Императорскому Ве. честву службы въ солдатствѣ и бытности его неоднократно при баталіяхъ и штурмахъ, то наказаніе ему оставляется; и потомъ учинить ему при публикѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ посѣчку учинилъ, за то наказаніе: бить батоги нещадно,

для того, что онъ посѣчку учинилъ малую». (Матеріалы къ исторіи Русского флота, т. IV, ст. 504).

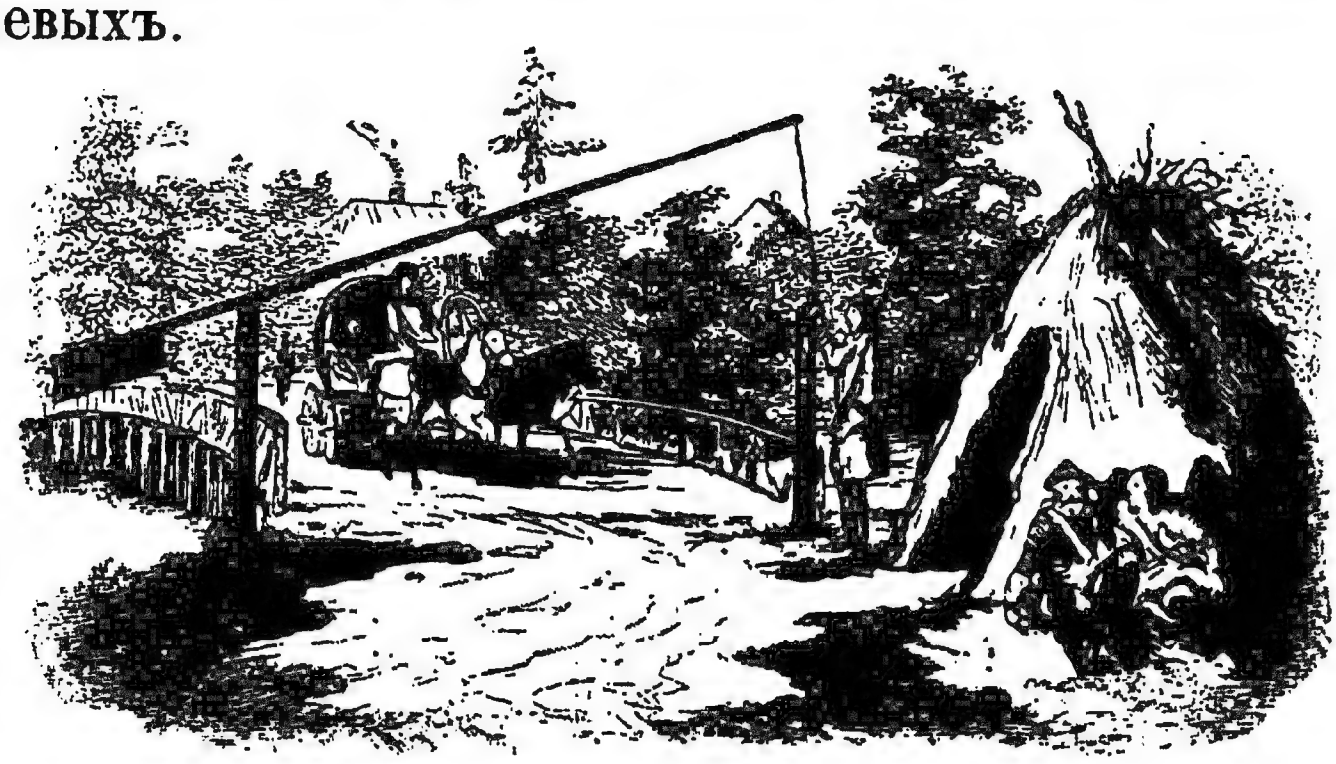
Какъ особенная милость лицу «много послужившему» было учинено наказаніе только батогами, обыкновенныхъ же смертныхъ, рубившихъ деревья въ заповѣдныхъ мѣстахъ, просто-на-просто засѣкали на смерть кнутомъ, но, очевидно, и это наказаніе не останавливало порубщиковъ — тогда рѣшительно запретили ходить черезъ эти рощи и для наблюденія поставили крѣпкій караулъ.

Екатерина I за короткіе дни своего царствованія обратила большое вниманіе и на свой садъ и на свой лѣтній дворецъ — надъ маленькимъ домикомъ, очевидно, надъ тѣмъ чердакомъ, съ котораго Берхгольцъ, какъ мы указали выше, любовался Петербургомъ, должно было устроить куполъ, причемъ этотъ куполъ желали вызолотить: отдали на пробу для золоченія одну доску, но, очевидно, проба не удалась (Общій архивъ Министерства двора, опись 73/187, картонъ 9445, дѣло № 101) и куполъ выкрасили желтою краскою (Общій архивъ Министерства двора, опись 73/187, картонъ 8445, дѣло 125); затѣмъ были большія заботы и о нарисованіи плафоновъ на потолкахъ и объ украшеніи стѣнъ картинами, словомъ, Екатерина I хотѣла сдѣлать лѣтній дворецъ помѣщеніемъ вполнѣ себя достойнымъ. Внезапная смерть пресѣкла эти заботы.

Еще одно распоряженіе Императрицы Екатерины I относительно данной мѣстности представляетъ для насъ несомнѣнный интересъ. Общеизвѣстенъ историческій фактъ, что положеніе Императрицы Екатерины I на престолѣ не могло быть названо вполнѣ твердымъ, Екатерина I могла ожидать всякихъ неожиданностей: старо-боярская партія, трепетавшая передъ Петромъ

Великимъ, поднимала голову и только ждала удобнаго случая, чтобы расправиться и съ ненавистной «нѣмкой» и съ ея помощникомъ княземъ Меншиковымъ. Надо было принимать мѣры предосторожности. И первою изъ такихъ мѣръ былъ указъ отъ 17 февраля 1726 года «о постройкѣ у Аничкова моста караульнаго дома» (на выкопировкѣ № 2 онъ обозначенъ буквою Д.). На мосту была устроена рогатка и каждаго пріѣзжающаго въ Петербургъ останавливалъ караулъ, требовалъ документы и только послѣ тщательныхъ и долгихъ расспросовъ пропускалъ въ столицу. Подозрительные люди, такимъ образомъ, будто бы не могли попасть и затѣять смуту.

Караульный домъ помѣщался, какъ можно будетъ видѣть изъ дальнѣйшаго изложенія, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время высится громадный домъ Лихачевыхъ.



Первоначальный Аничковъ мостъ.

Несторъ Кукольникъ, издатель перваго русскаго иллюстрированнаго журнала «Иллюстрація» (1845—49 г.г.) помѣстилъ изображеніе этого перваго караульнаго дома, причемъ оговорился, что оно взято съ какой-то старинной гравюры Петровскаго времени.

Намъ не приходилось видѣть подлинника этой гравюры, при чемъ намъ кажется очень сомнительнымъ самое ея существованіе; болѣе чѣмъ вѣроятно, что этотъ рисунокъ былъ нарисованъ однимъ изъ сотрудниковъ «Иллюстраціи», съ легкой руки которой онъ неоднократно перепечатывался и перепечатывается подъ названіемъ Аничковъ мостъ въ XVIII вѣкѣ. Приводимъ и мы эту иллюстрацію съ указаніемъ одной очевидной, бросающейся въ глаза неточности — Аничковъ мостъ и при Петрѣ Великомъ и при его преемникахъ вплоть до 1741 года былъ подъемнымъ — на рисункѣ же онъ изображенъ мостомъ на сваяхъ.

Все вышеизложенное позволяетъ хотя эскизно возстановить картину мѣстности между Екатерининскимъ каналомъ и Фонтанкою по лѣвой сторонѣ (отъ Адмиралтейства) Невскаго проспекта въ первую четверть вѣка существованія современнаго Петрограда:

Узенькій, небольшой подъемный мостъ черезъ Фонтанку, направо отъ него мазанковый или деревянный караульный домикъ, широкая, прямая аллея, обсаженная съ двухъ сторонъ, плохо принявшимися, небольшими березками; аллея эта вымощена, а за ней, параллельно ей, тянется, извиваясь въ стороны, проѣзжая тропа — за проѣздъ по преспективной дорогѣ брался особый сборъ, охотниковъ платить находилось мало и большинство ѣздило рядомъ съ этой аллеей; вдали виднѣется куполъ небольшого деревяннаго дворца, а въ сторону отъ него, ближе къ преспективной дорогѣ возвышается удлиненное каменное зданіе оранжереи — но, чтобъ дойти къ нимъ, надо перейти широкое болото, кое-гдѣ уже расчищенное отъ лѣса, а кое-гдѣ съ маленькими рощицами, главнымъ образомъ изъ березы, тщательно оберегаемыми отъ порубокъ. Ближе къ Кривушамъ, за

низкимъ заборомъ или вѣрнѣе плетнемъ, тянутся гряды съ традиціонной капустой, рѣдькой и лукомъ, за ними парники съ огурцами и другими болѣе нѣжными овощами; тутъ же шпалерами пошли крыжевникъ, смородина, малина, а почти у Мойки разбиты и цвѣтники. Кое-гдѣ среди этихъ грядъ возвышаются небольшіе домики — здѣсь живутъ нѣмцы-садовники. Вдоль Кривушей уже вытянулись постройки; въ нихъ живутъ рабочіе, ученики садоваго дѣла, и часть служащихъ конюшеннаго двора — общее впечатлѣніе старой русской усадьбы богатаго помѣщика, у котораго домъ полная чаша. И рядъ узкихъ, хорошо утоптанныхъ дорожекъ показываетъ, что въ этомъ уголкѣ кипитъ жизнь, много ходятъ сюда... Но тщетно мы будемъ искать даже намека на то, что здѣсь, на мѣстѣ огорода, будетъ когда-нибудь наиболѣе оживленная часть столицы.

III.

1725—1733 года самые темные года въ исторіи Петербурга—переѣздъ двора въ Москву, желаніе вернуться къ старымъ допетровскимъ порядкамъ, все это не могло не повліять на зарождающуюся столицу, о которой перестали заботиться,—выстроенныя наскоро постройки приходили въ упадокъ, никто не думалъ объ ихъ ремонтѣ, исчезала забота даже и о внѣшнемъ благоустройствѣ: Петру Великому и его ближайшему помощнику по полицейскимъ мѣропріятіямъ Девіеру стоило не малыхъ хлопотъ и трудовъ устроить въ Петербургѣ уличное освѣщеніе—и однимъ изъ первыхъ распоряженій правительства Петра II былъ указъ «о незажиганіи по улицамъ Петербурга фонарей, кромѣ дней торжественныхъ иллюминацій». Точно также, чуть ли не на другой день послѣ сверженія кн. Меншикова, былъ уничтоженъ открытый имъ мостъ на плашкоутахъ черезъ Неву на Васильевскій Островъ. Это распоряженіе объяснялось заботою о торговцахъ, имъ-де мѣшаетъ мостъ, такъ какъ затрудняетъ свободный проходъ судамъ въ море.

Племянница Великаго Петра, Императрица Анна Іоанновна вернулась изъ Москвы въ Петербургъ и за-

нялась на первыхъ же порахъ устройствомъ своего личнаго жилища — первоначальнаго Аннинскаго Зимняго дворца. Трудно предположить, какъ бы выразились заботы о благоустройствѣ Петербурга, какъ бы пошло его развитіе, если бы не одно случайное обстоятельство.

Въ 1736—1737 году старый Петербургъ Петровского времени въ рядѣ страшныхъ пожаровъ — большинство ихъ было отъ поджоговъ, истинная причина послѣднихъ и до сихъ поръ не выяснена — былъ истребленъ пламенемъ.

Сгорѣли такъ называемыя Морскія слободки (нынѣшняя Морская, улица Гоголя, Исаакіевская улица), Греческая слободка (пространство между настоящими Милліонной улицею, Аптекарскимъ и Мошковымъ переулкомъ и набережной рѣки Мойки), Переведенскія слободки (между нынѣшними Екатерининскимъ каналомъ и Мойкою по правой сторонѣ, отъ Адмиралтейтейства, Невскаго проспекта).

Необходимо поэтому было начинать вновь строиться — возникла такъ называемая «комиссія Петербургскаго строенія», которая прежде всего занялась съемкою плана Петербурга; въ результатѣ этой съемки былъ составленъ планъ Петербурга 1738 года, двумя выкопировками изъ котораго мы пользовались. На основаніи этого плана, и тѣхъ немногочисленныхъ статистическихъ данныхъ, которыми обладала комиссія, она составила рядъ докладовъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ о регулированіи и построеніи столичнаго города Санктъ-Петербурга. Эти доклады шли на «аппробацію» Императрицы, которая очень внимательно относилась къ своему утвержденію, нерѣдко возвращала доклады для переработки и собственноручно писала большія резо-

люціи, иногда вполнѣ измѣнявшія первоначальныя предположенія комиссіи Петербургскаго строенія.

Большинство этихъ докладовъ напечатано въ полномъ собраніи законовъ. Для нашей цѣли интересенъ докладъ, носящій слѣдующее заглавіе:

«Объ устройствѣ мѣстъ между рѣками Фонтанкою и Мойкою до Невской Перспективы по плану».

Этотъ докладъ датированъ 12 декабря 1739 года — т. е. 180 лѣтъ тому назадъ. (Полное Собраніе Законовъ томъ X, № 7969, стр. 968—972).

Изъ этого доклада въ особенности, и ряда ему аналогичныхъ, мы прежде всего можемъ познакомиться съ тѣми проектами, помощью которыхъ хотѣли урегулировать изучаемую нами мѣстность, а затѣмъ, тщательно анализируя эти проекты, сопоставляя ихъ съ планами болѣе позднѣйшихъ годовъ и съ тѣмъ, что мы видимъ въ наши дни, мы можемъ нарисовать до извѣстной степени и картину того, что было въ дѣйствительности въ этой мѣстности и, главное, въ той ея части, гдѣ теперь проходятъ Караванная и Італіанская улица, гдѣ устроена набережная рѣки Фонтанки.

Комиссія Петербургскаго строенія прежде всего обратила вниманіе на мѣстность Фонтанки, гдѣ былъ Аничковъ мостъ и проектъ комиссіи былъ не только любопытенъ, но и грандіозенъ.

«По Невской же перспективѣ — писала комиссія — подлѣ моста, которой сдѣланъ противъ оной чрезъ Фонтанную рѣчку, ѣдучи къ Невскому монастырю, въ лѣвой сторонѣ, близъ берега той рѣчки Фонтанной, для удовольствія Адмиралтейской, Литейной и Московской, и того трехъ частей, построить главной Мытной дворъ».

Обращаемъ вниманіе на это милое старинное выраженіе: «для удовольствія Адмиралтейской, Литейной и Московской и того трехъ частей» — «удовольствіе» здѣсь понимается въ смыслѣ удовлетворенія потребностей. Рынки въ указанныхъ частяхъ города были на окраинѣ ихъ, обывателямъ приходилось тратить много времени на покупку провизіи и вотъ «для удовольствія» обывателей — тамъ, гдѣ теперь дома Лихачева, Меньшиковой, кн. Шаховской и, можетъ быть, еще нѣсколько сосѣднихъ — комиссія полагала устроить «главной» (подчеркиваемъ это слово) Мытной Дворъ.

Устройство этого двора описано очень подробно и это описаніе, хотя бы по своей старинѣ: ему вѣдь — повторимъ еще разъ — 180 лѣтъ, не можетъ насъ не заинтересовать.

Главной Мытной дворъ предполагалось построить «каменной, въ которомъ амбары и лавки сдѣлать со сводами, а гзымзы каменныя, и у тѣхъ амбаровъ и лавокъ двери и у оконъ ставни желѣзныя и передъ лавками галлерею жъ каменную, которую мостить камнемъ или на ребро кирпичемъ, а кровлю крыть на деревянныхъ стропилахъ черепицею или желѣзомъ».

Къ сожалѣнію, не сохранилось рисунка проекта этого каменнаго мытнаго двора, но если вспомнить уже уничтоженный Гостиный дворъ на Васильевскомъ островѣ, существующій еще Мытный дворъ на Пескахъ, припомнить характерную деталь аннинскихъ построекъ — рустики — то, обладая нѣкоторымъ воображеніемъ, можно представить себѣ, что представляла бы изъ себя мѣстность Невскаго проспекта у Аничкова моста.

Аннинская комиссія построенія Петербурга, обладая безусловно большимъ творческимъ розмахомъ, въ то

же время отличалась изумительною любовью къ деталямъ: кажется, ничего не пропускала эта комиссія, она учитывала самое незначительное мѣстное явленіе, она принимала во вниманіе всякую особенность и кромѣ того проявляла заботу не только о сегодняшнемъ днѣ, нѣтъ, ея проекты таковы, что должны были удовлетворить потребности обывателей на много, много лѣтъ впередъ. Быть можетъ это происходило оттого, что въ комиссіи вмѣстѣ съ разсудительнымъ нѣмцемъ фонъ-Зиггеймомъ засѣдали рядомъ два славянина: архитекторъ Еропкинъ, побывавшій въ Италіи и прочувствовавшій красоту итальянскаго генія, и русскій самородокъ Земцовъ, ѣздившій только въ Стокгольмъ, чтобы вывезти оттуда мастеровыхъ людей и нашедшій въ самомъ себѣ и въ условіяхъ своей родины достаточно матеріала для творческой дѣятельности.

Всѣ эти особенности Аннинской комиссіи ярко отразились въ разбираемомъ нами проектѣ Мытнаго двора:

«И понеже то мѣсто — писала дальше комиссія — гдѣ тотъ Мытный дворъ построить разсуждено, весьма низкое (вотъ и еще одна любопытная деталь для топографіи изучаемой нами мѣстности), а для большой воды надлежитъ въ лавкахъ и амбарахъ дѣлать полы выше той воды на 2 или 3 фута, и для того подъ тѣми лавками каменной фундаментъ будетъ не малою вышиною; того ради, дабы тотъ фундаментъ въ туне не остался — какую предусмотрительность высказываетъ комиссія, какъ заботится она о казенныхъ суммахъ — подъ тѣ лавки и амбары сдѣлать для поклажи масла и сала и тому подобныхъ товаровъ погреба со сводами жъ, съ которыхъ равно какъ и съ лавокъ будетъ казенной сборъ».

Но и этотъ проектъ по своей грандіозности, особенно принимая во вниманіе, что онъ составлялся 180 лѣтъ тому назадъ, не удовлетворилъ комиссію и она вноситъ въ него послѣдній штрихъ, дающій картинѣ и смыслъ и жизнь:

«А напротивъ того Мытнаго двора отъ Фонтанной рѣчки и для удобнаго приставанія судовъ сдѣлать гавань, длиннику по рѣкѣ 60, а поперечнику 30 сажень (т. е. квадратной площадью, пояснимъ отъ себя, въ $^3/_4$ десятины) и отъ той гавани вверхъ по оной Фонтанной рѣчкѣ до моста, что противъ церкви Святыхъ Праведныхъ Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы, ту рѣчку вычистить и вынятою землею, около того Мытнаго двора низкія мѣста повысить, а у объявленной гавани, тако жъ и берега въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ означенная вычистка будетъ, укрѣпить такимъ образомъ, какъ въ Мойкѣ рѣчкѣ берега жъ укрѣпить велѣно».

По Ладожской системѣ хлѣбъ, припасы, товары на баркахъ спустятся по Невѣ до Фонтанки, по которой пройдутъ къ новоустроенной гавани, пристанутъ вплотную къ Мытному Двору, куда ихъ и выгрузятъ безъ особаго труда, а въ то же время обыватель на шлюпкахъ и баркасахъ, по той же самой Фонтанкѣ, изъ Литейной и Московской части, въѣдетъ въ ту же гавань, закупитъ нужный себѣ провіантъ, сложитъ его въ свои лодки и также легко и удобно доставитъ домой.

Что за идиллія рисовалась нашимъ предкамъ! Какъ имъ хотѣлось все же осуществить неосуществленный проектъ Петра Великаго объ устройствѣ изъ Петербурга, если не Венеціи, то Амстердама съ ихъ каналами. Правда, при этомъ не принималось во вниманіе маленькое обстоятельство: продолжительная зима, не позволяющая обывателямъ чуть ли не $^2/_3$ года пользо-

ваться водянымъ сообщеніемъ, но стоитъ ли обращать вниманіе на такую мелочь — проектъ такъ красивъ по своему замыслу!

Наконецъ, Комиссія петербургскаго строенія предлагала: «Близъ того Мытнаго двора съ двухъ сторонъ пустить площадь и отъ оной площади до мосту, который у выше описанной церкви (т. е. до нынѣшняго Симеоновскаго моста) сдѣлать дорогу по берегу рѣки Фонтанки (это обстоятельство нужно помнить при дальнѣйшемъ изложеніи) шириною на 7 саженъ и ту площадь и обявленную дорогу вымостить камнемъ».

Анна Іоанновна, апробовавъ устройство Главнаго Мытнаго Двора, къ постройкѣ котораго, впрочемъ, и не приступали, измѣнила вполнѣ дальнѣйшія предначертанія комиссіи, причемъ, съ своей стороны предложила къ выполненію проектъ едва ли не еще болѣе грандіозный.

Устроивъ Мытный дворъ и площадь, комиссія предполагала слѣдующимъ образомъ урегулировать лѣвую сторону Невскаго проспекта отъ Аничкова моста до нынѣшняго Екатерининскаго канала:

«Мѣсто вдоль по Невской проспективной улицѣ, между оною и Вашего Императорскаго Величества садомъ, порожжія всѣ мѣста раздать подъ строеніе обывательскихъ домовъ, на которыхъ можно быть двумъ линіямъ и изъ оныхъ построить, въ первой линіи, что къ проспективой, подземные каменные, безъ погребовъ (подземные здѣсь употребляется, конечно, не въ смыслѣ «подъ землею», а указываетъ лишь на то, что первый этажъ начинался сразу надъ фундаментомъ) и крыть черепицею, а внутри тѣхъ дворовъ службы, отступя отъ каменныхъ палатъ 5 сажень деревянныя; а ежели въ тѣхъ мѣстахъ, кто пожелаетъ строить въ одно или

въ два жилья (т. е. двуэтажные) на погребахъ и на дворахъ дѣлать службы каменныя жъ и въ томъ позволить, точію принужденія къ тому не чинить; а между тѣми дворами къ улицѣ дѣлать ограды, такожъ у воротъ вереи каменныя жъ, а ежели кто желаетъ, вмѣсто каменной ограды дѣлать желѣзную рѣшетку и въ томъ же дать позволеніе; а позади тѣхъ каменныхъ домовъ и въ другой линіи, лицемъ къ саду Вашего Императорскаго Величества строить деревянные домы и передъ тѣми домами пустить улицу жъ шириною на 8 сажень, которую вымостить камнемъ же, а подъ тѣ каменные и деревянные дома отвесть мѣста длиннику по 40 сажень, а поперечнику по 15 сажень, и оныя раздать подъ строеніе всякого чина желающимъ людямъ».

Изъ этого проекта комиссіи Петербургскаго строенія можно почти навѣрняка заключить, что нынѣшняя Итальянская улица до 1739 года не существовала и что ее проектировала провести эта комиссія.

Но Императрица Анна Іоанновна не удовлетворилась такимъ проектомъ комиссіи.

«Позади Нашего третьяго огорода — гласила собственноручная резолюція Императрицы — къ проспективѣ которая идетъ отъ погребовъ, подлѣ слоноваго двора на порожнемъ мѣстѣ сдѣлать ягдъ гартенъ, для гоньбы и стрѣлянья оленей, кабановъ и зайцевъ, и для того оное мѣсто изравнять и насадить деревьемъ, оставя проспективы такъ, какъ на планѣ изображено, и въ серединѣ сдѣлать галлерею деревянную на каменномъ фундаментѣ, а противъ дорогъ каменныя стѣнки, а вмѣсто того подъ огородныя овощи для поварни Нашей учредить гряды въ томъ огородѣ, который за улицею противъ Италіанскаго дома и сверьхъ

того выбрать и опредѣлить еще пристойныя довольныя мѣста для кореньевъ и травъ, потребныхъ къ Нашей поварнѣ, дабы впредь оная могла удовольствована быть изъ Нашихъ огородовъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ возможно обойтись безъ купли и продажи».

Чтобы понять это странное на нашъ современный взглядъ желаніе Императрицы Анны Іоанновны сдѣлать около своего Лѣтняго дворца звѣринецъ для охоты, достаточно вспомнить хотя бы записи Манштейна. Этотъ послѣдній въ своихъ запискахъ писалъ слѣдующее:

«получила Анна Іоановна охоту къ стрѣлянію изъ ружей и толикое искусство пріобрѣла въ ономъ, что не токмо мѣтко попадала въ цѣль, но наравнѣ съ лучшими стрѣлками убивала птицъ на лету. Сею забавою вовсе не приличною женскому полу дольше и почти до кончины своей занималась. Во дворцѣ, находившемся на берегу Невы, всегда въ комнатахъ ея стояли заряженныя ружья, изъ коихъ стрѣляла она изъ окна въ мимо летающихъ птицъ».

Весьма понятно, что при такой страсти къ охотѣ и стрѣльбѣ, Императрица могла пожелать устроить поближе къ своему Лѣтнему дворцу «ягдъ-гартенъ».

Далѣе Императрица Анна Іоанновна внесла и слѣдующую любопытную деталь въ вышеприведенный проектъ комиссіи Петербургскаго строенія.

«Кругомъ слоноваго двора и оранжереи (на выкопировкѣ № 2 подъ буквами с и д), такожъ и между оранжерей и погребовъ мелкое строеніе регулировать, а по Фонтанкѣ берегъ укрѣпить и обдѣлать сваями и насыпать землею, а противъ моста, который сдѣланъ изъ второго въ третій огородъ у погребовъ надъ воротами перемычку для проспекта снять и оные погреба и между ими проходъ обдѣлать пристойнымъ

украшеніемъ, а на концѣ проспективой, которая идетъ сквозь оные погреба (на выкопировкѣ подъ буквами к. к.) сдѣлать ворота съ галлереею и съ прочимъ украшеніемъ, дабы отъ хоромъ чрезъ сады могъ виденъ проспектъ быть. Назначенныя по плану подъ строенія мѣста и улицы апробуются, токмо въ первой Колоннѣ по Невской проспективой мѣста подъ каменные домы отдавать желающимъ, а оставшія затѣмъ мѣста, кои добровольно застроены не будутъ, раздавать и тѣмъ, которымъ надлежитъ каменные дома строить съ числа душъ; а понеже нѣкоторое каменное строеніе, по обѣимъ сторонамъ той проспективой уже застроено на погребахъ, того ради и всѣ по оной проспективой домы строить на погребахъ же въ одинъ, а кто и пожелаетъ и въ два апартамента (т. е. въ 2 этажа)».

Соединимъ проектъ Комиссіи Петербургскаго строенія и пожеланія Императрицы Анны Іоанновны, предполагая ихъ осуществленными.

На Невскомъ проспектѣ близъ Аничкова моста на высокомъ фундаментѣ, съ крытою каменной галлереею Мытный дворъ, передъ которымъ обширная гавань съ заѣздомъ изъ Фонтанки. За этимъ Мытнымъ дворомъ, вдоль Невскаго проспекта, вытянулись небольшіе двухъ-этажные на погребахъ дома, раздѣленные другъ отъ друга или каменными заборами или желѣзными рѣшетками, за которыми зеленѣютъ сады «регулярные». Итальянская улица или вторая «Невская колонна», шириною въ 8 сажень, тянется отъ Кривушей къ перспективной дорогѣ, которая идетъ отъ лѣтняго дворца къ Невскому проспекту, по направленію нынѣшней Караванной улицы. По одной, правой сторонѣ, этой второй Невской колонны деревянные домики прихотливо выглядываютъ изъ-за зелени деревьевъ, а по

лѣвой сторонѣ тянется высокая каменная стѣна, за которой вплоть до Мойки разбитъ ягдъ-гартенъ, гдѣ рѣзвятся красивые съ многовѣтвистыми рогами олени и откуда изрѣдка доносится злобное хрюканіе дикихъ свиней—кабановъ, на особыхъ подводахъ, по почтовому тракту, перевезенныхъ изъ-далека во вновь учрежденный ягдъ-гартенъ. Проспективная дорога, идущая по направленію нынѣшней Караванной улицы, съ правой стороны также обдѣлана каменной стѣнкою, а съ лѣвой обсажена деревьями, за которыми, на мѣстѣ нынѣшняго цирка Чинизелли стоятъ большіе слоновые амбары; тамъ собиралось иногда до двухъ десятковъ слоновъ, и купленныхъ «не малою цѣною», и полученныхъ «въ презентъ» отъ персидскаго шаха. Далѣе за слоновыми амбарами, на мѣстѣ нынѣшняго Инженернаго садика размѣщалась большая каменная оранжерея — «изволила Ея Императорское Величество въ оранжереи поѣхать и тамъ иностранные плоды съ превеликимъ удовольствіемъ осмотрѣть, а особливо понравился Ея Императорскому Величеству изъ сихъ плодовъ ананасъ именуемый, которыхъ два Ея Императорское Величество сама снять изволила» — и разное мелкое регулярное строеніе, въ которомъ жили и садовники, и ихъ ученики и, наконецъ, рабочіе. Берегъ Фонтанки, укрѣпленный сваями, былъ вплоть до большого Мытнаго двора свободенъ отъ построекъ.

Такъ рисовалось воображенію. А на самомъ дѣлѣ картина была нѣсколько иная: съ Аничкова моста спускались въ низкое топкое мѣсто. Невская перспектива представляла изъ себя нѣчто вродѣ сохранившихся кое-гдѣ въ центральной Россіи такъ называемыхъ «Екатерининскихъ большихъ дорогъ», по бокамъ ея, то приближаясь къ ней, то убѣгая въ отдаленіе (какъ

будетъ видно дальше) стояли небольшіе каменные домики, ихъ было немного менѣе десяти. За этими домами шло полуосушенное, полувырубленное отъ лѣса болото, на которомъ мѣстами, какъ бы оазисами «сплетено было строеніе одно подлѣ другого», «дома были узки и кривы и умножены деревяннымъ и опаснымъ отъ огня строеніемъ». Царскіе огороды оставались въ прежнемъ внѣшнемъ видѣ: увеличился только ихъ размѣръ, да умножилось число хозяйственныхъ построекъ. По берегу Фонтанки возвышались огромные бревенчатые, безобразнаго вида, слоновые амбары, около которыхъ въ безпорядкѣ тѣснилось «мелкое строеніе»; чернѣли погреба для храненія припасовъ для «Императорской поварни», да возвышалась каменная оранжерея.

Дѣйствительность, какъ это, положимъ, и всегда бываетъ, рѣзко не соотвѣтствовала проектамъ и предположеніямъ, и эти проекты и предположенія такъ и не вошли въ жизнь: для осуществленія ихъ требовалось много и очень много денегъ, а обиліемъ денежной казны никогда не могло похвастаться правительство Императрицы Анны Іоанновны: въ это время нерѣдко жалованіе придворнымъ чинамъ выдавалось «сибирскою рухлядью», а почтенные нѣмцы, засѣдавшіе въ Сіянсъ-Академіи, получали вмѣсто ассигнацій отпечатанныя ими же въ академической типографіи книги.

IV.

Если случайное обстоятельство — пожары 1736 и 1737 годовъ—дали толчекъ къ первому желанію урегулировать и устроить описываемую нами мѣстность Петрограда, то не менѣе случайное обстоятельство заставило отъ желаній перейти къ осуществленію ихъ.

«И понеже на оной же Невской проспективѣ—читаемъ мы въ докладѣ Петербургской комиссіи отъ строеній—въ правой сторонѣ Фонтанной рѣчки имѣется дворъ купца Дмитрія Лукьянова, а подъ тѣмъ дворомъ съ порожнимъ мѣстомъ, что за онымъ къ гостиному двору, будетъ длиннику около двухъ сотъ сажень, на которомъ мѣстѣ, впредь, для лучшаго регулярства и вида потребно къ оной же проспективной (когда построены будутъ гостиной и Мытный дворъ, каменные такожъ на погорѣлыхъ и прочихъ мѣстахъ, межь Невы и Мойки и на оной же проспективной назначенныя по плану мѣста всѣ застроены будутъ обывательскимъ каменнымъ строеніемъ) построить, противъ вышеписаннаго, каменные жъ домы и, для постройки тѣхъ каменныхъ домовъ оному Лукьянову, то свое дворо-

вое мѣсто, тогда желающимъ людямъ по оцѣнкѣ отдавать или оныя мѣста застроить ему Лукьянову самому».

Такъ разсуждала комиссія петербургскаго строенія. На дворѣ Лукьянова ближе къ Фонтанкѣ, какъ видно изъ плана 1738 года, помѣщался полковой Преображенскаго полка дворъ.

Наступила ночь на 25 ноября 1741 года. Принцесса Елисавета Петровна, въ сопровожденіи Шварца, Воронцова и Лестока, съ 7-ью гренадерами, въ часъ пополуночи, сѣла въ сани и изъ своего дома, находившагося на Красномъ Каналѣ (нынѣшній служебный домъ принца Ольденбургскаго на Царицыномъ лугу въ линіи съ Павловскими казармами) отправилась на полковой Преображенскій дворъ.

Произошелъ еще очередной государственный переворотъ — Анна Леопольдовна съ своимъ супругомъ Антономъ Ульрихомъ отправилась въ Холмогоры, несчастный Іоаннъ Антоновичъ въ Шлиссельбургъ, а на престолъ взошла тишайшая Елисавета Петровна, законная дочь великаго Петра.

Въ память о тревожной ночи 25 ноября 1741 года Императрица Елисавета Петровна рѣшилась на мѣстѣ бывшаго полкового двора Преображенскаго полка выстроить новый дворецъ, который получилъ наименованіе Аничковъ дворецъ. — 6 апрѣля 1742 года гофъ-интендантъ Шаргородской далъ первый ордеръ архитектору Земцову о постройкѣ этого дворца. Хотя оффиціально дворецъ этотъ строился для Императрицы, но ни для кого не было секретомъ, что въ немъ будетъ жить царскій любимецъ, недавно еще бывшій пѣвчій, а теперь графъ Римскія Имперіи оберъ-егермейстеръ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Дворецъ строился

девять лѣтъ и 17 марта 1751 года произошло освященіе храма въ Аничковомъ дворцѣ.

Почти одновременно, но, конечно, гораздо скорѣе, графъ Растрелли на мѣстѣ нынѣшняго Инженернаго замка, воздвигъ роскошный деревянный Лѣтній дворецъ, замѣнившій собою маленькій домикъ Екатерины I.

Эти двѣ громадныя постройки, весьма понятно, придавали совсѣмъ иной характеръ той мѣстности, которая всего два-три года тому назадъ представляла собою «мѣсто низкое, топкое», и гдѣ мечтали разбить ягдъ-гартенъ. Оставить эту мѣстность въ ея первоначальномъ видѣ, конечно, нельзя было, и начинается цѣлый рядъ указовъ Императрицы Елисаветы Петровны объ урегулированіи, какъ Невскаго проспекта, такъ и Итальянской улицы и поперечныхъ имъ вновь возникающихъ улицъ и переулковъ.

Очевидно, въ одинъ изъ своихъ проѣздовъ на постройку Аничкова двора, а, можетъ быть, даже идя пѣшкомъ изъ Лѣтняго сада на эту постройку, — Елисавета Петровна очень часто ходила пѣшкомъ — Императрица поразилась страннымъ видомъ березокъ, разсаженныхъ по Невскому проспекту; березки эти были изукрашены различными хозяйственными принадлежностями сосѣднихъ домохозяевъ: сушилось бѣлье, висѣла зимняя одежда, провѣтриваясь и приготовляясь къ укладкѣ въ сундуки впредь до морозовъ, а кое-гдѣ на вѣтвяхъ была натыкана и посуда—горшки да кувшины для молока. И появился грозный указъ Императрицы: «о запрещеніи с.-петербургскимъ жителямъ развѣшивать что-либо на березкахъ на Невской перспективѣ».

Выше мы указывали, что немногочисленныя постройки Невскаго проспекта ютились въ безпорядкѣ

по сторонамъ его. Дѣйствительно, начиная съ 10 мая 1745 года появляется рядъ указовъ, стремящихся урегулировать эти постройки, вытянуть ихъ въ линію по Невской перспективѣ. Эти указы завершаются повелѣніемъ «о перестройкѣ и переносѣ до 1 мая 1747 года въ С.-Петербургѣ по Невской першпективѣ всѣхъ обывательскихъ домовъ, выстроенныхъ не по утвержденнымъ планамъ по близости къ улицѣ».

1 мая 1747 года должно было быть послѣднимъ срокомъ переноски домовъ. Трудно думать, что, дѣйствительно, къ этому времени, всѣ дома были перенесены, но во всякомъ случаѣ, можно полагать, что линія нынѣшнихъ домовъ на Невскомъ проспектѣ опредѣлилась приблизительно къ началу 50-хъ годовъ XVIII столѣтія. Выше, разбирая проекты Аннинской комиссіи петербургскаго строенія, мы подчеркивали, что дома на лѣвой сторонѣ Невскаго проспекта были уже въ 1739 году. Къ сожалѣнію, намъ удалось, да и то относительно, возстановить только одинъ изъ первыхъ домовъ Невскаго проспекта — это нынѣшній домъ Елисѣева, на углу Екатерининской улицы, гдѣ помѣщается театръ Линъ.

Въ 1749 году мы читаемъ въ «С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ» такое объявленіе:

«Черезъ сіе чинится извѣстно, что ежели кто желаетъ взять въ наемъ каменный дворъ Ея Императорскаго Величества бандуриста Матвѣя Ѳедорова, состоящій по Невскому перспективой, противъ Гостинаго двора мѣховой линіи, что прежде сего бывалъ Архитектора Земцова, весь съ деревяннымъ строеніемъ или порознь однѣ каменныя палаты съ погребами, тѣ бъ явились для договору во ономъ дому у дворецкаго ево Кирила Финкенберга».

Архитекторъ Земцовъ умеръ въ 1743 году—слѣдовательно, его домъ былъ построенъ ранѣе 1743 года «каменнымъ съ погребами». Но является вопросъ, когда же былъ построенъ Земцовымъ этотъ домъ,—точныхъ указаній мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ, но позволяемъ себѣ высказать слѣдующія соображенія.

Въ 1725 году, послѣ смерти Петра Великаго, архитекторъ Земцовъ пошелъ въ гору, ему давала разныя порученія Императрица Екатерина I и въ этомъ же году Земцовъ обращается къ Императрицѣ съ прошеніемъ, въ которомъ, указывая, что у него нѣтъ еще до сихъ поръ своего дома, и что отъ этого обстоятельства онъ терпитъ «большой уронъ», проситъ ему пожаловать домъ на Литейной сторонѣ. Домъ былъ пожалованъ (Общій Архивъ Министерства Двора, опись 73—187, картонъ 8444, книга 48, дѣло № 128, листъ 947) и такъ какъ Земцовъ находился при канцеляріи дворовъ и садовъ, которая помѣщалась тамъ же, на Литейной сторонѣ, то, видимо, Земцовъ остался доволенъ своимъ домомъ. 6 апрѣля 1742 года Земцову была поручена постройка Аничкова дворца, съ постройкой очень торопили, чертежи посылались на апробацію Елисаветы Петровны въ Москву и, болѣе чѣмъ вѣроятно, что Земцовъ, мотивируя необходимостью постоянно присутствовать на постройкѣ Аничкова двора, указалъ на неудобство своего стараго дома, который былъ слишкомъ удаленъ, и вновь просилъ пожаловать ему домъ, гдѣ-нибудь поближе къ Аничкову дворцу. Земцову и отвели вышеуказанное мѣсто, на которомъ, очевидно, въ томъ же 1742 году онъ и построилъ себѣ домъ.

Мы считаемъ Невскій проспектъ главною артеріей столицы и забываемъ, что таковой онъ сдѣлался сра-

внительно недавно; въ дни царствованія Анны Іоанновны Невскій проспектъ былъ задворками Петербурга, вотъ почему на немъ и отводились мѣста для иноземныхъ церквей и можно думать, что отводъ въ 1738 году мѣста для Католической церкви былъ однимъ изъ первыхъ отводовъ участковъ въ этой мѣстности; не забудемъ, что только 20 Апрѣля 1739 года большая перспективная дорога получила названіе «Невской Перспективы», изъ которой съ теченіемъ времени вышелъ Невскій проспектъ.

Укажемъ еще на рядъ заботъ объ Невскомъ проспектѣ: 14 декабря 1745 года появилось распоряженіе о сдѣланіи для Невской перспективы и другихъ улицъ 100 новыхъ фонарей, — сколько фонарей изъ этой сотни было разставлено по Невскому проспекту, мы точно сказать не можемъ. Наконецъ, къ концу царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, 8 октября 1759 года вызывались желающіе «для мощенія здѣсь по Невской перспективой вновь мосту» поставить большой плитной камень.

Не меньше заботъ прилагалось и объ Итальянской улицѣ, причемъ оговоримся, что большинство этихъ заботъ не выходило изъ области предположеній.

Въ 1746 году вызывались желающіе «къ мощенію улицы, слѣдующей позади Невской перспективой противъ 3 саду каменнаго мосту поставить дикаго камня 121 сажень, земли 30 кубическихъ сажень»—очевидно, предполагалось не только замостить улицу, но и повысить ее. Было ли произведено замощеніе улицы, мы не знаемъ, но 28 мая 1751 года Императрица Елисавета Петровна повелѣла изъ теперешняго Екатерининскаго канала, а тогда Глухого протока, параллельно Невскому проспекту, на мѣстѣ Большой Итальянской

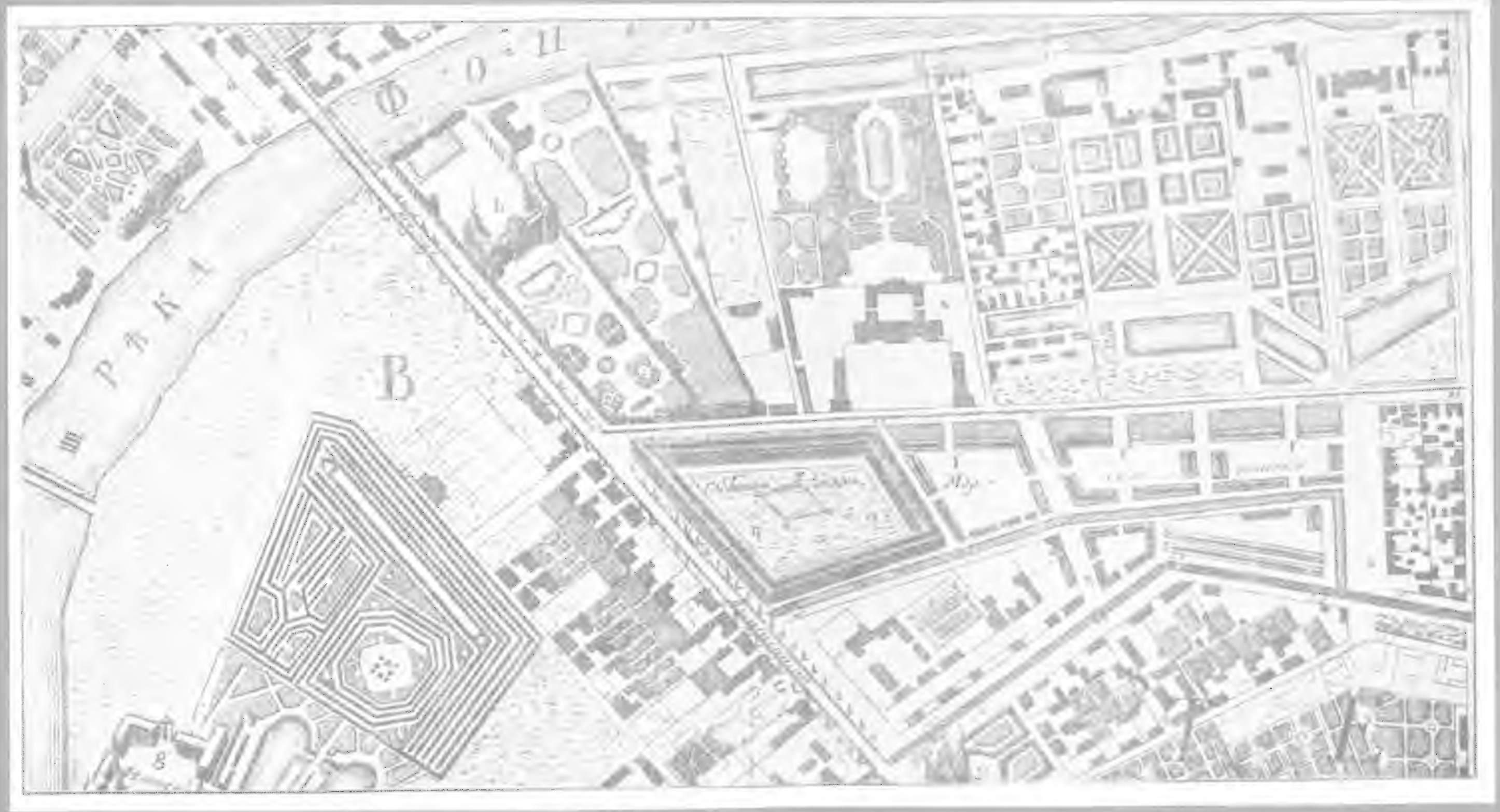
улицы, провести къ Фонтанкѣ каналъ, которымъ предполагалось совершенно отдѣлить отъ городскихъ построекъ дворцовые сады. Такое рѣшеніе было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что «Ея Императорское Величество соизволила указать, что проходящіе черезъ садъ рвутъ яблоки и другіе фрукты, въ которомъ своевольствѣ своею высочайшею Императорскою особою усмотрѣть соизволили». Камеръ-фурьерскій журналъ, изъ котораго мы почерпнули эти свѣдѣнія, приводитъ еще болѣе яркіе примѣры своевольства, но, по нынѣшнимъ временамъ, эти примѣры вполнѣ нецензурны.

Чтобы обезпечить себя отъ такого своевольства, Императрица Елисавета Петровна и хотѣла прокопать каналъ — но къ работамъ и не приступали.

Свѣдѣніе о домахъ на Итальянской улицѣ мы впервые встрѣчаемъ въ 1749 году, когда появилась публикація «о продажѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ секретаремъ Степаномъ Писаревымъ деревяннаго двора на каменномъ фундаментѣ во 2-ой колоннѣ Невской, называемой еще и Италіанской перспективой, что противъ Лѣтняго дворца и третьяго сада».

Стефанъ Писаревъ, переводчикъ извѣстнаго жизнеописанія Петра Великаго, составленнаго Катифорою— являлся не однимъ изъ послѣднихъ литераторовъ Елисаветинскаго времени; гдѣ, точно, находился его домъ, мы, къ сожалѣнію, не могли опредѣлить.

Наконецъ, въ Елисаветинскіе же дни была попытка опредѣлить направленіе Караванной улицы. Почему появилось такое названіе улицы, мы сейчасъ не можемъ объяснить — какіе караваны должны были ходить по этой улицѣ, трудно сказать, можетъ быть, на названіе этой улицы повліяла близость «слоновыхъ домовъ»:



Выкопировка изъ плана С.-Петербурга Махаева, 1754 года.

персы и армяне, вожаки слоновъ, могли называть свое жилище караванъ-сараемъ, отсюда, конечно, могла появиться и Караванная улица, пока мы не нашли подтвержденія этого нашего предположенія. Попытку же узаконить вмѣсто дороги, естественно образовавшейся по берегу Фонтанки, Караванную улицу должно отнести къ 26 мая 1745 года, когда появилось распоряженіе «о пересадкѣ посаженныхъ на Адмиралтейскомъ лугу березъ на дорогу отъ Лѣтняго новопостроеннаго на Фонтанкѣ Императорскаго Дому до Невской перспективѣ по обѣимъ сторонамъ». Но, кажется, это распоряженіе не было введено въ жизнь, по крайней мѣрѣ, черезъ годъ, «березы на Адмиралтейскомъ лугу» удостоились еще одного указа, прямо противоположнаго только-что приведенному. Этимъ указомъ, отъ 17 апрѣля 1746 года, повелѣвалось березы съ Адмиралтейскаго луга садить не на дорогу (нынѣшнюю Караванную улицу), а въ Императорскіе сады и на полицейскій дворъ, причемъ для первыхъ надо было отбирать «хорошія» березы, а въ полицію отдавать «негодныя». Не знаемъ, былъ ли приведенъ въ исполненіе и этотъ указъ, или же березы были растащены съ Адмиралтейскаго луга предпріимчивыми обывателями...

Была ли обсажена и урегулирована эта дорога, мы, повторяемъ, не знаемъ, хотя на планѣ Махаева 1754 года эта дорога ясно обозначена, причемъ вокругъ этой дороги, т. е. нынѣшняя Караванная улица и набережная Фонтанки показаны незастроенными. Послѣднее обстоятельство едва-ли соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но оно показываетъ, что составители «перспективнаго» плана 1754 года не забыли высочайшій указъ отъ 23 апрѣля 1751 года, который повелѣвалъ «о сносѣ къ 1752 году всѣхъ деревянныхъ

казенныхъ и частныхъ строеній, имѣющихся около Лѣтняго Императорскаго дворца въ предосторожности отъ пожаровъ». Такъ какъ этотъ указъ неоднократно повторялся въ послѣдующіе года, то мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что съ обывателей брали подписки о переносѣ домовъ, быть можетъ, нѣкоторыя лачужки и были сломаны, но всетаки постройки въ этой мѣстности преблагополучно существовали, но составители плана, памятуя высочайшій указъ, ихъ просто-на-просто не показывали.

Нельзя забывать, что планы, проспекты, гравюры XVIII в. не могутъ служить безспорнымъ доказательствомъ, такъ какъ они далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности; они не только подкрашивали дѣйствительность, но представляли существующимъ то, что никогда не выходило изъ области проектовъ.

V.

XVIII вѣкъ — вѣкъ фаворитизма. На поверхность общественной жизни всплывали одна за другою личности, все значеніе которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, выражалось лишь въ томъ, что онѣ были «въ случаѣ». При помощи этого случая составлялась не одна карьера, въ конечномъ результатѣ разлетающаяся, какъ мыльный пузырь. Фаворитизмъ XVIII вѣка въ достаточной степени изученъ, но другое, параллельное ему явленіе, наблюдавшееся въ томъ же XVIII вѣкѣ, почему-то привлекало къ себѣ мало вниманія, хотя и оно, безусловно, имѣетъ общественный характеръ. Мы подразумѣваемъ такое же быстрое обогащеніе нѣкоторыхъ купеческихъ фамилій XVIII вѣка. Въ большинствѣ случаевъ наблюдается одинъ и тотъ же процессъ: на горизонтѣ петербургской жизни всплываетъ купецъ, котораго еще вчера никто не зналъ, но уже сегодня на него смотрятъ съ почтеніемъ. Съ головокружительною быстротою, этотъ купецъ наживаетъ милліоны, становится владѣльцемъ громадной недвижимости, помощью пожертвованій пріобрѣтаетъ чинъ надворнаго совѣтника и въ очень рѣдкихъ случаяхъ передаетъ свой капиталъ и свое умѣнье своему наслѣднику.

Третье поколѣніе этого еще вчерашняго царя купеческаго міра Петербурга уже совершенно сходитъ съ арены дѣйствія, очень часто пропадаетъ и сама фамилія.

Въ самомъ дѣлѣ, кто въ настоящее время знаетъ Яковлевыхъ, Собакиныхъ, Кусовниковыхъ, Жуковыхъ, Зиминыхъ, Косиковскихъ и имъ подобныхъ. А между тѣмъ въ былое время это были столпы и гордость Петербургскаго купечества...

Герой нашего нынѣшняго разслѣдованія, Гаврила Степановичъ Зиминъ, до извѣстной степени можетъ считаться петербургскимъ старожиломъ — уже его отецъ, Степанъ Зиминъ, былъ въ 1753 году петербургскимъ купцомъ. Къ этому 1753 году относится разысканное нами въ реестрѣ нерѣшенныхъ судебныхъ дѣлъ — дѣло по иску с.-петербургскаго купца Степана Зимина съ новгородскаго купца Ивана Красного.

На этомъ и оканчиваются наши данныя по родословію Зиминыхъ; когда появился въ С.-Петербургѣ Степанъ Зиминъ, откуда вышелъ онъ, мы сказать не можемъ, но въ спискѣ первыхъ переселенныхъ въ С.-Петербургъ, по повелѣнію Петра Великаго, купцовъ этой фамиліи мы не нашли.

Степанъ Зиминъ былъ не только петербургскимъ купцомъ, но уже владѣлъ значительнымъ земельнымъ участкомъ.

Зиминъ переулокъ около Казанскаго собора свидѣтельствуетъ намъ, что здѣсь на углу Екатерининскаго канала, тогда еще Глухой рѣчки, уже въ 1761 году былъ домъ купца Зимина.

Кажется, первоначальнымъ владѣльцемъ этого участка былъ Родіонъ Чиркинъ.

У лѣвой сѣверо-восточной стороны алтаря церкви Благовѣщенія находится памятникъ надъ прахомъ

одного изъ основателей этой церкви Ивана Родіоновича Чиркина. Вотъ единственная память, сохранившаяся до насъ объ этой когда-то первостатейной фамиліи Чиркиныхъ.

Они были выходцами изъ города Серпухова, въ Петербургѣ, кромѣ торговли, они занимались еще подрядами на государственные сборы, были директорами питейныхъ сборовъ и особой русской перевозной ластовой компаніи. По даннымъ 1755 года оказывается, что русская перевозная компанія Родіона Чиркина съ товарищами имѣла 171 мореходное судно, цѣлый, особенно по тому времени, торговый флотъ.

Затѣмъ Чиркинымъ принадлежалъ на Васильевскомъ островѣ огромный участокъ земли отъ 1 линіи до 6-ой и отъ Малаго проспекта къ Малой Невѣ и Черной рѣчкѣ, гдѣ у нихъ были пивоваренные и солодовенные заводы. На этихъ заводахъ варилось, какъ говоритъ первый историкъ Петербурга Богдановъ, полпиво англійское и голландское. Кромѣ того, тутъ же находилась фабрика, на которой дѣлали пудру и крахмалъ.

Мѣсто, гдѣ теперь на большой Морской, не переходя Маріинскую площадь, возвышается домъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, также было Чиркиныхъ; здѣсь они, послѣ пожара 1736 года, выстроили каменныя лавки, извѣстныя подъ названіемъ «новый гостиный дворъ».

Наконецъ, въ числѣ многихъ другихъ земельныхъ участковъ, у Чиркиныхъ появился и угловой участокъ на переулокъ, тогда еще не носившій никакого названія, и на Глухую рѣчку. Въ 1756 году здѣсь уже былъ выстроенъ каменный домъ.

Послѣ банкротства Чиркиныхъ, это ихъ мѣсто перешло — не знаемъ по закладной или посредствомъ

покупки — въ руки отца Зимина, который перестроилъ домъ, сдѣлавъ его, какъ кажется, трехъэтажнымъ.

Близость этого дома къ Невскому проспекту и Казанской церкви привлекало въ него многихъ торговцевъ, особенно пріѣзжихъ иноземцевъ, напримѣръ «тирольцевъ съ кинарейками» — и среди петербуржцевъ домъ этотъ пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность — «пойдемъ въ Зиминъ домъ» — значило дать точный адресъ

Отсюда весьма понятно, что маленькій переулочекъ, весь заполненный этимъ домомъ, получилъ прозвище Зиминъ, которое за нимъ и сохранилось до нашихъ дней, несмотря на попытку полиціи, въ началѣ прошлаго столѣтія, окрестить этотъ переулокъ другимъ названіемъ — Казанскій.

Сынъ Степана Зимина — Гавріилъ Степановичъ Зиминъ — не только продолжалъ торговую дѣятельность своего отца, но выступилъ и на арену общественной дѣятельности.

Городской магистратъ — учрежденіе, первоначально соотвѣтствовавшее нынѣшней городской думѣ и обладавшее функціями нѣсколько большими, чѣмъ дума — состоялъ въ 1783 году изъ слѣдующихъ лицъ: Президентомъ его былъ купецъ Яковъ Опайщиковъ, бургомистрами Петръ Сыренковъ и Гавріилъ Зиминъ, ратманами — купцы Василій Карповъ, Семенъ Чекрыгинъ, Иванъ Сериковъ, засѣдателями — надворные совѣтники Николай Алексѣевъ и Семенъ Пресняковъ и коллежскіе ассесоры Никифоръ Васильевъ и Никита Бобарыкинъ.

Избраніе Гавріила Степановича Зимина на такую почетную и отвѣтственную должность, какъ бургомистръ (нѣчто вродѣ нынѣшняго члена управы), показываетъ,

что Зиминъ замѣтно выдѣлялся изъ среды петербургскаго купечества.

Исполненіемъ этой общественной обязанности Гавріилъ Зиминъ пріобрѣлъ право на полученіе званія именитаго гражданина, при чемъ по городской обывательской книгѣ онъ считался въ пятомъ разрядѣ — а въ этотъ разрядъ записывали банкировъ и купцовъ, объявившихъ свой капиталъ не менѣе 200 тысячъ рублей, что на современныя деньги составитъ до $1^1/_2$ милліона.

Отбывъ благополучно свой шестилѣтній срокъ службы бургомистромъ, Зиминъ въ 1789 году былъ перечисленъ въ первый разрядъ именитыхъ гражданъ, а въ первый разрядъ заносились тѣ именитые граждане, которыхъ гражданское общество почтило своимъ выборомъ въ общественную должность.

Такимъ образомъ общественная служба Зимина окончилась для него благополучно: на него не было сдѣлано никакого начета — иначе его имущество было бы конфисковано и назначено къ продажѣ, а съ публикаціями о такой продажѣ намъ не пришлось встрѣчаться, точно также онъ не попалъ подъ судъ за какое-либо нарушеніе — въ то доброе старое время, какъ принято выражаться, рѣдкій дѣятель по городскимъ выборамъ избѣгалъ суда.

Далѣе, когда на всероссійскій престолъ взошелъ Императоръ Павелъ Петровичъ и въ своихъ заботахъ объ устройствѣ казарменныхъ помѣщеній для войскъ изобрѣлъ особую казарменную комиссію съ обложеніемъ жителей Петербурга обязательнымъ сборомъ на постройку казармъ, — Гавріилъ Зиминъ, «соревнуя о неимущихъ обывателяхъ города Петербурга», которымъ было тяжело и даже не по силамъ вносить вышеука-

занный казарменный сборъ, сдѣлалъ «изъ усердія подвигъ благотворителя» и внесъ въ пользу этихъ обывателей вмѣстѣ съ другими первостатейными купцами Петербурга «на алтарь отечества посильную лепту», а выражаясь по-просту, по приказанію с.-петербургскаго военнаго губернатора, пожертвовалъ нѣсколько десятковъ тысячъ.

Чинъ титулярнаго совѣтника былъ наградою Зимину за его пожертвованіе.

Такимъ образомъ Гавріилъ Степановичъ Зиминъ достигъ въ своихъ стремленіяхъ предѣла, дальше котораго въ то время не могъ стремиться купецъ.

Въ біографіи Зимина есть еще одинъ фактъ, который нельзя обойти молчаніемъ, но объяснить который мы не беремся.

Въ № 18 «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» за 1802 годъ отъ 4 мая на страницѣ 409 напечатана слѣдующая Высочайшая резолюція:

«Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе титулярнаго совѣтника Гавріила Зимина всемилостивѣйше дозволяемъ сыновьямъ его Александру, Ивану, Дмитрію, Павлу и дочерямъ Аннѣ, Елисаветѣ, Катеринѣ, Прасковьѣ и Лукерьѣ съ законною его женою до брака рожденнымъ принять фамилію его и вступить во всѣ права по роду и наслѣдству законнымъ дѣтямъ предоставленныя».

Такимъ образомъ, вслѣдствіе неизвѣстныхъ намъ причинъ, Зиминъ большую часть своей жизни прожилъ съ своей женою гражданскимъ бракомъ и только незадолго до смерти обвѣнчался. Почему произошло такое странное обстоятельство мы, повторяемъ, объяснить не умѣемъ, но случай съ Зиминымъ далеко не единиченъ; въ первые годы царствованія Императора Але-

ксандра I къ нему обращалась съ такими всеподданнѣйшими прошеніями масса лицъ самаго различнаго общественнаго положенія, вплоть до титулованныхъ особъ; на всѣ эти прошенія неизмѣнно слѣдовало высочайшее согласіе.

Сдѣлавшись титулярнымъ совѣтникомъ, пріобрѣтя такимъ образомъ право на владѣніе человѣческими душами — Зиминъ купилъ себѣ имѣніе; имѣніе это находилось въ Новоладожскомъ уѣздѣ, отстояло отъ Новой Ладоги въ одной верстѣ. Кромѣ трехъ деревень Будковичи, Фошни и Криницы, имѣніе это заключало въ себѣ громадные лѣса, которые и эксплоатировались Зиминымъ. Начиная съ 1800 года, въ первыхъ числахъ іюня, Зиминъ помѣщалъ въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе вродѣ нижеслѣдующаго:

«На пристани Ладожскаго канала отъ Санктпетербурга въ 150 верстахъ продаются на мѣстѣ 3-хъ четвертныя березовыя дрова, коихъ тамъ не малое количество, кому сколько сажень угодно купить, всѣ гуртомъ или въ розницу: о цѣнѣ могутъ спросить 3 Адмиралтейской части 1 квартала, домъ № 13 у г. Зимина или въ деревнѣ Криницахъ у старосты Нифантія Иванова, которая деревня отъ Новой Ладоги въ 1 верстѣ».

Кромѣ эксплоатаціи лѣса Зиминъ въ своемъ имѣніи устроилъ и водочный заводъ.

«На водошной заводъ потребенъ искусной и о званіи и поведеніи своемъ подлежащія свидѣтельства имѣющій мастеръ — читаемъ мы въ одномъ объявленіи — таковой для договору въ непродолжительномъ времени явиться имѣетъ въ Зиминовомъ домѣ у Аничкова моста, онаго дома къ дворецкому».

Не имѣя возможности круглый годъ жить въ имѣніи, Зиминъ не поручалъ его своимъ старостамъ, а держалъ управляющихъ:

«Если кто зная сельскую экономію желаетъ вступить въ небольшую вотчину управителемъ, то таковые могутъ явиться въ 3-ьей Адмиралтейской части въ 1 кварталѣ близъ Аничкова моста на Фонтанкѣ въ домѣ № 13 къ живущему тамъ хозяину».

Имѣніе служило для Зимина безусловно лѣтнимъ отдыхомъ; по крайней мѣрѣ, просматривая многочисленныя торговыя объявленія о домѣ Зимина, мы видимъ, что зимою и осенью желающіе нанимать квартиры въ домѣ Зимина приглашались обращаться къ хозяину, но какъ только наступала весна и лѣто, текстъ объявленій неизмѣнно мѣнялся въ томъ отношеніи, что обращаться надо было или къ дворецкому, или къ приказчику, или, наконецъ, просто къ дворникамъ дома — самъ хозяинъ, Гавріилъ Степановичъ Зиминъ, былъ въ отлучкѣ.

Въ имѣніи Зимина былъ разведенъ садъ:

«Желающіе наняться въ садовники въ село, отстоящее отъ Санктпетербурга не далѣе 150 верстъ, могутъ явиться для договору въ 3 Адмиралтейской части въ 1 кварталѣ, близъ Аничкова моста въ домѣ № 13 у того дома къ хозяину».

Къ сожалѣнію, у насъ слишкомъ мало данныхъ, чтобы опредѣлить отношеніе Зимина къ его семьѣ. Мы видѣли выше, что Зиминъ усыновилъ своихъ дѣтей, второй сынъ его, Иванъ, былъ 14 класса чиновникъ, т. е. получилъ нѣкоторое образованіе. Что Зиминъ заботился о воспитаніи своихъ дѣтей, безусловно доказываетъ одно объявленіе, долго печатавшееся въ теченіе осени 1803 года:

«Желающіе обучать дѣтей по часамъ играть на клавикордахъ, могутъ явиться 3-ьей Адмиралтейской части 1 квартала, во 2-омъ отъ Аничкова моста домѣ № 13, къ живущему въ семъ домѣ хозяину».

Такимъ образомъ, дочери Зимина были обучаемы играть на клавикордахъ.

Приведемъ еще одно извѣстіе о Зиминѣ, извѣстіе на нашъ взглядъ характерное и позволяющее до извѣстной степени возстановить обликъ Зимина.

20 марта 1803 года Зиминъ помѣстилъ въ тѣхъ же Петербургскихъ Вѣдомостяхъ слѣдующую публикацію:

«У живущаго въ Санктпетербургѣ, 3 Адмиралтейской части 1 квартала близъ Аничкова мосту въ собственномъ своемъ домѣ подъ № 13, титулярнаго совѣтника Гавріила Степановича Зимина пропалъ сего мѣсяца марта 2 числа 6 лѣтъ меринъ, который примѣтами: темно-бурый, большого росту, грива на лѣво, хвостъ длинный, на лбу небольшая лысина, подъ сѣделкою малыя бѣлыя пятна, копыта и ноги бѣлыя, о которой пропажѣ въ здѣшнюю управу благочинія и явочное прошеніе подано. Ежели оный меринъ къ кому нибудь для продажи приведенъ будетъ или же кто его по примѣтамъ признаетъ, въ какомъ бы то ни было губернскомъ городѣ или уѣздѣ ни было, то упомянутой титулярной совѣтникъ Зиминъ, покорнѣйше ситъ увѣдомить о семъ присутственное мѣсто и ему Зимину дать знать, за что отъ него въ знакъ благодарности дано будетъ пристойное вознагражденіе».

Трудно допустить, что при пропажѣ лошади Зимина, главнымъ образомъ, тревожилъ матеріальный убытокъ — Зиминъ, какъ мы и видѣли выше, былъ настолько богатъ, что пропажа одной лошади ему не принесла бы урона, да и кромѣ того за сообщеніе объ этой ло-

шади онъ обѣщалъ «пристойное вознагражденіе». Можно думать, что о матеріальныхъ убыткахъ Зиминъ не заботился, ему была, просто, дорога эта лошадь, онъ ее любилъ. На это наводитъ и подробное описаніе лошади — и грива на лѣво, и небольшая лысина, и малыя бѣлыя пятна — такъ подробно описать примѣты лошади можетъ лишь тотъ, кто хорошо зналъ эту лошадь, кто не разъ ее ласкалъ и кто, дѣйствительно, ее любилъ. Затѣмъ, нѣсколько наивное указаніе, что если лошадь найдется «въ какомъ бы то ни было губернскомъ городѣ или уѣздѣ ни было» — возможно опознать эту лошадь въ Петербургѣ или въ ближайшей мѣстности, но узнать ее, если она угнана въ другую губернію, могъ только хозяинъ, но все таки Зиминъ очень хотѣлъ найти эту лошадь, вотъ почему и появилась въ объявленіи такая неуклюжая, но много скрывающая въ себѣ, вышеприведенная фраза.

Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что это объявленіе вполнѣ свидѣтельствуетъ о любви Зимина къ животнымъ...

Итакъ вотъ все, что намъ удалось отыскать для характеристики Зимина. Мы видимъ, что это былъ безусловно незаурядный человѣкъ, что онъ обладалъ извѣстнымъ честолюбіемъ, что онъ не хотѣлъ мириться съ тою участью, которую ему уготовила судьба, а стремился достичь болѣе благопріятнаго положенія. Если онъ самъ, по всей вѣроятности, обладалъ малымъ образованіемъ, то онъ всетаки прилагалъ заботы, чтобъ его дѣти были образованными, чтобы они не походили на «сѣрыхъ купеческихъ дѣтокъ», а болѣе соотвѣтствовали его чину — титулярнаго совѣтника.

Зиминъ умеръ въ 1806 году. Опекунами надъ многочисленной семьею и обширнымъ имѣніемъ были на-

значены вдова — Лукерья Гавриловна Зимина и надворный совѣтникъ Юшковъ. Рушилось основаніе семьи — начала разрушаться и сама семья. И первый признакъ неблагополучія, которое еще таилось внутри, которое не было, можетъ быть, даже и замѣтно, проявился въ слѣдующемъ фактѣ:

«Умершаго титулярнаго совѣтника Гавріила Зимина Санктпетербургской губерніи Лигскаго уѣзда отлучились изъ деревни Будковичъ крестьянская женка Саломонида Прокофьева, а деревни Фошни крестьянскій сынъ Григорій Андреевъ; примѣтами оные: первая росту небольшого, волосы на головѣ свѣтлоруссые, глаза сѣрые, отъ роду 20 лѣтъ, а послѣдній росту средняго, волосы на головѣ свѣтлоруссые, глаза сѣры, лицомъ бѣлъ и гдѣ нынѣ проживаютъ неизвѣстно, почему чрезъ сіе объявляется, что есть ли гдѣ оные въ жительствѣ окажутся, что представить ихъ въ узаконенное присутственное мѣсто для присылки на прежнее жительство».

Умеръ хозяинъ и начались бѣга крѣпостныхъ, это признакъ очень плохой. Трудно предположить, что Зиминъ былъ жестокъ къ своимъ крестьянамъ, и они не бѣгали изъ-за страха наказанія, для такого предположенія у насъ не имѣется вовсе данныхъ. Но, очевидно, крѣпостные знали, что въ семьѣ покойника не ладно, что скоро долженъ наступить раздѣлъ, что имѣніе будетъ продано — и Богъ знаетъ, въ какія руки оно попадетъ, такъ не лучше ли теперь, когда надъ имѣніемъ опека, когда надзоръ не такъ силенъ, воспользоваться обстоятельствами, и добиться свободы. Мы допускаемъ такое объясненіе, хотя не можемъ не указать, что бѣжали одновременно изъ двухъ деревень крестьянская женка и крестьянскій сынъ — быть можетъ, осно-

ваніе къ побѣгу было и романическое. Но во всякомъ случаѣ характерно то обстоятельство, что первый побѣгъ произошелъ почти тотчасъ послѣ смерти Зимина...

Слѣдующій зловѣщій призракъ распаденія мы находимъ въ другомъ объявленіи, появившемся въ 1811 году. Сынокъ Зимина, Иванъ Гавриловичъ, подросъ, вышелъ изъ младенчества, и

«Вдова титулярнаго совѣтника дочь Зимина проситъ черезъ сіе почтенную публику, чтобъ несовершеннолѣтнему сыну ея Ивану Гаврилову Зимину никто довѣрія не дѣлалъ, ибо онъ, находясь подъ опекою съ прочими своими братьями и сестрами не въ отдѣлѣ, никакой собственности въ своемъ распоряженіи не имѣетъ, а опредѣленные опекуны расходовъ и долговъ его, безъ вѣдома ихъ сдѣланныхъ, платить изъ общаго наслѣдственнаго имѣнія, не обязаны».

Обычная исторія, — но во всякомъ случаѣ, очевидно, Иванъ Зиминъ шагнулъ слишкомъ далеко: ни совѣты, ни увѣщеванія не дѣйствовали — пришлось прибѣгнуть къ публикаціи.

Всѣ эти ссоры, дрязги дѣйствовали на старуху Зимину и въ концѣ концовъ она рѣшила выдѣлить своихъ дѣтей. Первымъ — 30 августа 1812 года — былъ проданъ домъ въ Зиминомъ переулкѣ:

«Во второй Адмиралтейской части во 2-омъ кварталѣ по Екатерининскому каналу и Казанскому переулку съ дозволенія Правительства продается угольный каменный о трехъ этажахъ домъ подъ № 33 и 34 съ двумя деревянными флигелями и пустопорожнимъ мѣстомъ».

Какъ нѣкогда Зиминъ пріобрѣлъ этотъ домъ у былой знаменитости Родіона Чиркина, такъ и теперь Зиминскій домъ пріобрѣлъ другой все расширявшій свои обороты петербургскій купецъ Кусовниковъ.

Нужно думать, что вскорѣ послѣ этой продажи умерла старуха Зимина и Иванъ Гавриловичъ Зиминъ уже достигшій совершеннолѣтія и вступившій въ свои наслѣдственныя права, рѣшилъ не только порвать всякія связи съ семьей, но отплатить за недавнюю сравнительно публикацію его добраго имени. Иванъ Гавриловичъ Зиминъ со своей стороны объявлялъ 26 августа 1813 года, что

«14 класса Иванъ Гавриловъ сынъ Зиминъ отнынѣ впредь уничтожаетъ данное имъ дѣвицѣ Аннѣ Гавриловнѣ Зиминой вѣрющее письмо на управленіе имѣніемъ, засвидѣтельствованное въ Гражданской палатѣ, проситъ его считать недѣйствительнымъ».

И болѣе, чѣмъ вѣроятно, что однимъ изъ первыхъ дѣйствій Зимина-сына была продажа и второго дома.

Этотъ второй домъ на Фонтанкѣ купилъ графъ Димитрій Александровичъ Гурьевъ.

Точно установить годъ покупки намъ не удалось, но мы думаемъ, что эта покупка произошла въ концѣ 1813 или въ началѣ 1814 года. Кромѣ вышеуказаннаго объявленія Зимина, характерно то обстоятельство, что съ 1813 года перестаютъ появляться на столбцахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» различныя объявленія о сдачѣ квартиръ, торговыхъ помѣщеній и т. п. въ домѣ Зимина. Этотъ домъ, пока имъ владѣли Зимины, былъ доходнымъ домомъ; съ переходомъ въ руки графа Гурьева онъ сдѣлался домомъ-особнякомъ, домомъ для собственнаго жилья; понятно, что исчезли всѣ объявленія. Кромѣ того, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, графу Гурьеву именно въ 1813—1814 году нужно было пріобрѣсти домъ. —

VI.

Гдѣ же находился домъ Зимина, когда онъ появился и что представлялъ изъ себя?

Вотъ тѣ вопросы, на которые постараемся отвѣтить, не смотря на скудныя данныя, сохранившіяся объ этомъ домѣ.

Топографія его вполнѣ точно указана въ тѣхъ многочисленныхъ публикаціяхъ, которыя помѣщалъ о сдачѣ квартиръ Гавріилъ Зиминъ и, очевидно, будучи акуратнымъ человѣкомъ, не желая затруднять съемщиковъ квартиръ безплодными поисками, старался указать мѣстоположеніе своего дома такъ, чтобы не вызывались сомнѣнія.

«Въ 3-ей Адмиралтейской части идучи по Невскому проспекту, къ Аничкову мосту на лѣвой рукѣ подлѣ гауптвахты»... «въ 3-ей Адмиралтейской части по Невской перспективѣ не доходя Аничкова моста на углу по Фонтанкѣ»... «въ 3-ей Адмиралтейской части въ каменномъ домѣ, состоящемъ у Аничкова моста къ рѣкѣ Фонтанкѣ и по Караванной улицѣ подлѣ деревянной гауптвахты»... «въ 3-ей Адмиралтейской части по Невской перспективѣ, пройдя гауптвахту, по Фон-

Фасад дома Г. С. Лазарева,
ныне дом княгини М. А. Шаховской, Фонтанка, 7.

танкѣ, во второмъ отъ угла домѣ» — принимая во вниманіе, что 3-я Адмиралтейская часть въ настоящее время именуется Спасскою, мы видимъ, что всѣ вышеприведенныя указанія вполнѣ соотвѣтствуютъ нынѣшнему дому княгини Шаховской.

Къ этому же выводу мы приходимъ, если начнемъ провѣрять, на основаніи ряда отысканныхъ нами справочниковъ, переходъ этого дома отъ владѣльцевъ къ владѣльцамъ, а также и измѣненіе въ нумераціи этого дома. (Этотъ переходъ отъ владѣльцевъ и измѣненіе въ нумераціи видны въ приложенной при семъ таблицѣ).

Теперь нѣсколько словъ о нумераціи петербургскихъ домовъ. Первоначально нумера домамъ давались не по улицамъ, а по частямъ. Каждая часть имѣла свой порядковый нумеръ который выдавался въ зависимости отъ времени выдѣла участка, нумера доходили до тысячныхъ. Такъ по описи 1804 года послѣдній нумеръ на Петербургской сторонѣ доходилъ до 1412, въ Московской части было 928 нумеровъ, а въ четвертой Адмиралтейской — нынѣ Коломенской — считалось 924 нумера домовъ.

Да и солнечная сторона Невскаго проспекта, начиная отъ Казанскаго моста до Фонтанки, носила сотенные нумера. Угловой домъ на Екатерининскомъ каналѣ (нынѣ Учетнаго банка, тогда князя Голицина) былъ подъ № 756, вмѣсто дома Лихачева, было два порожнихъ мѣста подъ № 773 и 774, домъ Зимина значился № 775.

Весьма понятно, что такіе большіе нумера были неудобны, и тогда придумали замѣнить порядковый нумеръ части порядковымъ же нумеромъ по кварталамъ въ каждой части.

Дѣйствительно, сотенные нумера домовъ исчезли, но сохранилось все же одно неудобство — нумера домовъ на одной и той же улицѣ рѣзко измѣнялись при переходѣ улицы изъ квартала въ кварталъ; такимъ образомъ, на углахъ одной и той же улицы могли рядомъ съ № 2, положимъ, быть № 20, 75 и 7, если эти четыре угла одной и той же улицы принадлежали четыремъ различнымъ кварталамъ.

И только послѣ 1834 года додумались до такой простой и естественной, на нашъ взглядъ, нумераціи домовъ, какъ по улицамъ, при чемъ на одной сторонѣ улицы должны были быть четные, а на другой нечетные нумера. Но и въ данномъ случаѣ не сразу установили — какую сторону улицы нужно считать правою, какую лѣвою и гдѣ ставить четные и гдѣ нечетные нумера.

Сравнительно очень недавно на это измѣненіе нумеровъ смотрѣли, какъ на такое событіе въ жизни Петербурга, которое должно было быть отмѣчено, и еще въ 1859 году мы читаемъ, напримѣръ, такія строчки:

«Петербургъ не можетъ существовать безъ улучшеній: на домахъ поставлены нумера по системѣ Парижской, т. е. четныя цифры по одну, нечетныя по другую сторону домовъ».

Это своеобразное измѣненіе нумеровъ домовъ Петербурга заставляетъ при разслѣдованіи вопроса перехода того или иного имущества отъ одного владѣльца къ другому начинать изслѣдованіе не съ того времени, когда, приблизительно, могъ быть построенъ домъ, а съ нашего времени и идти назадъ.

Предѣломъ нашего изслѣдованія мы ставимъ 1903 годъ — двухсотлѣтіе Петербурга: съ этого года, пользуясь различными справочниками, офиціальными

и офиціозными изданіями, легко прослѣдить переходъ имущества и измѣненіе его нумераціи до 1834 года, когда, какъ мы и говорили выше, была произведена коренная ломка нумеровъ. Ключъ къ этой ломкѣ мы, послѣ долгихъ поисковъ, нашли и благодаря этому ключу можемъ дойти до 1804 года, когда была издана первая табель домовъ къ плану 1797 года. Для дальнѣйшихъ изысканій приходится пользоваться единственнымъ имѣющимся у насъ источникомъ — частными объявленіями «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Собирая эти объявленія, сличая ихъ, группируя — мы получаемъ возможность прослѣдить дальнѣйшій переходъ. Конечно, относительно нѣкоторыхъ домовъ Петербурга, или представляющихъ изъ себя историческія постройки или принадлежащихъ какимъ-либо виднымъ лицамъ, сохранились и архивныя данныя — къ сожалѣнію, эти данныя слишкомъ немногочисленныя. Результатъ нашихъ изслѣдованій мы прилагаемъ при семъ, въ видѣ таблицы, относящейся къ дому Зимина:

Года.	Мѣстоположеніе.	Владѣльцы:	№№	Оцѣнка.
1903	набер. Фонтанки	Кн. М. А Шаховская.	27	
1888	» »	Е. С. Любомирская.	23	
1874	» »	Е. С. Любомирская.	23	
1869	» »	Е. С. Любомирская.	23	
1865	» »	Графъ А. Д. Гурьевъ.	23	
1848	» »	Графъ А. Д. Гурьевъ.	26	
1842	» »	Графъ А. Д. Гурьевъ.	26	
1830	» »	Граф. П. Н. Гурьева.	26	
1825	» »	Граф. П. Н. Гурьева.	26	
1823	» »	Графъ Д. А. Гурьевъ.	15	
1804	» »	Графъ Д. А. Гурьевъ.	15	
1804	» »	Тит. Сов. Г. С. Зиминъ.	13	70.000 р

Объ гауптвахтѣ около дома Зимина мы уже говорили выше; не можемъ только не отмѣтить слѣдующаго страннаго обстоятельства — ни на одномъ изъ плановъ, которые намъ удалось просмотрѣть въ нашихъ изысканіяхъ, мы не могли найти этой гауптвахты.

Ея нѣтъ ни на планѣ Рота 1776, ни на планѣ 1781, ни на карманномъ планѣ 1787 года; наконецъ, она не указана ни на планѣ Георгія 1795 года, ни на планахъ первыхъ годовъ царствованія Императора Александра I. Между тѣмъ указанія Зимина не позволяютъ сомнѣваться въ существованіи этой гауптвахты приблизительно тамъ, гдѣ теперь домъ Лихачева.

Это опредѣленіе подтверждается и слѣдующимъ розысканнымъ нами извѣстіемъ,

До 1790 года мѣсто, занятое домомъ Лихачева, принадлежало казенному вѣдомству — какому, мы пока не знаемъ, а въ 1790 году было передано въ вѣдѣніе Приказа Общественнаго Призрѣнія, который 26 апрѣля 1790 года помѣстилъ объявленіе слѣдующаго рода:

«Отъ Санктпетербургскаго приказа Общественнаго призрѣнія извѣщается, что сего Маія 14 числа по полуночи въ 10 часовъ имѣетъ быть третичная продажа двумъ порожнимъ мѣстамъ, лежащимъ въ 3-ьей Адмиралтейской части въ 1-омъ кварталѣ подъ № 773 и 774 по Невскому проспекту противъ Аничкова мосту и рѣки Фонтанки, въ коихъ мѣры длиннику 42, а поперечнику 15 сажень, желающіе купить имѣютъ для торга явиться въ сей приказъ».

Очевидно, желающихъ купить это мѣсто было не слишкомъ много, иначе не нужно было бы назначать торги въ третій разъ. По своимъ размѣрамъ, мѣсто это вполнѣ соотвѣтствуетъ современному Лихачевскому участку; купилъ его, наконецъ таки, дѣйствительный

тайный совѣтникъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ, который, кромѣ того, что былъ большимъ поэтомъ, былъ не меньшимъ спекулянтомъ по скупкѣ и продажѣ въ Петербургѣ земельныхъ участковъ. И этотъ участокъ онъ также скоро продалъ новоладожскому купцу Шарову, тоже былой знаменитости петербургскаго купечества.

Итакъ, мѣстоположеніе дома Зимина намъ удалось опредѣлить вполнѣ точно.

Отвѣтъ на слѣдующіе вопросы: когда и кѣмъ былъ построенъ этотъ домъ, — мы можемъ дать только приблизительный, при чемъ относительно времени постройки мы можемъ ошибиться лишь на два, три года; что же касается до имени архитектора, строившаго этотъ домъ, то мы высказываемъ лишь нашу догадку, основанную, сознаемся, лишь на косвенныхъ данныхъ. Но все же, не смотря на шаткость этихъ данныхъ, выводъ изъ нихъ вытекаетъ вполнѣ логично, и невольно хочется вѣрить, что, можетъ быть, впослѣдствіи, найдутся подтвержденія нашего предположенія.

Первое по времени объявленіе о домѣ Зимина, отысканное нами, датируется 7 ноября 1788 года:

«У Аничкова моста въ 3-ьей Адмиралтейской части въ домѣ именитаго гражданина Гаврилы Зимина отдаются въ наемъ разные покои на Фонтанку, въ нижнемъ и верхнемъ, а на Караванную улицу въ нижнемъ, среднемъ и верхнихъ этажахъ и во дворѣ во флигеляхъ, поетажно и по рознь со всѣми къ нимъ принадлежностями, а о цѣнѣ объявитъ приказчикъ Иванъ Лобановъ».

Такимъ образомъ, въ 1788 году существовали трехэтажные дома на Фонтанку и Караванную улицу и два флигеля, перпендикулярные къ домамъ, во дворѣ, —

т. е. постройки были точно такія же, какъ и въ настоящее время. Отмѣтимъ еще, что домъ на Караванную улицу и надворные флигеля сдавались цѣликомъ, въ домѣ же на Фонтанку не сдавался только средній этажъ; это обстоятельство играетъ значительную роль въ нашихъ дальнѣйшихъ объясненіяхъ.

Если мы теперь прослѣдимъ исторію застройки нынѣшнихъ Караванной улицы и набережной Фонтанки, то придемъ къ убѣжденію, что домъ Зимина былъ построенъ, если не въ 1788 году, то очень близко къ этому времени и являлся одной изъ первыхъ построекъ на набережной Фонтанки.

Караванная улица и образовалась не сразу и не сразу же получила свое названіе «Караванная» (объясненіе этому названію мы дали выше).

Еще въ 1799 году вмѣсто названія Караванной употреблялось описательное названіе — «по Невскому проспекту въ улицѣ, проходящей въ Садовую противъ Кабинета», затѣмъ эту улицу назвали Садовымъ переулкомъ, Малой Садовой — нынѣшняя Екатерининская, а ранѣе Малая Садовая улица звалась Шуваловымъ переулкомъ, такъ какъ на углу Невскаго стоялъ домъ Ивана Ивановича Шувалова, одинъ изъ первыхъ по времени постройки домовъ на Невскомъ проспектѣ.

Такая неопредѣленность названія улицы ясно свидѣтельствуетъ о ея сравнительно поздней застройкѣ, причемъ въ этой застройкѣ соблюдалась слѣдующая постепенность.

Сначала была застроена сторона, удаленная отъ Фонтанки. Дѣйствительно, въ 1780 году мы читаемъ такое извѣстіе:

«Продается домъ, состоящей во второй части по Караванной набрежной улицѣ смежностью со дворами

по правую сторону с.-петербургскаго купца Никифора Глазунова, а по лѣвую сторону кровельнаго мастера Франца Егерера».

Этотъ домъ можно точно опредѣлить — онъ былъ третьимъ по Караванной улицѣ отъ нынѣшней Манежной площади — дома рядомъ съ нимъ существовали, но Караванная улица все еще звалась набрежною Караванною, тѣмъ самымъ свидѣтельствуя, что домовъ по нынѣшней набережной Фонтанки еще не было или они только строились.

Принимая во вниманіе то, что земельные участки по Фонтанкѣ не измѣнялись и вполнѣ соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ, возстановимъ видъ этой набережной въ началѣ девяностыхъ годовъ XVIII вѣка.

Угловое мѣсто къ Аничкову мосту было незастроено, рядомъ съ нимъ, второй отъ моста, былъ домъ Зимина, третій, теперь (т. е. въ 1903 году) домъ Юрьевой — въ 1792 году былъ недостроенъ, продавался съ аукціоннаго торга, четвертый домъ, нынѣ Абазы, былъ въ 1791 году каменнымъ «немазаннымъ», позади него «порожее мѣсто».

Въ объявленіи о продажѣ этого дома мы встрѣчаемся со слѣдующею характерною особенностью:

«Желающіе купить домъ съ мѣстомъ или мѣсто особо могутъ тамъ получить обо всемъ подробныя свѣдѣнія».

Очевидно, мѣсто было куплено особо, вотъ почему лежащій по Караванной улицѣ въ настоящее время участокъ Шлихтинга и не является сквознымъ на Фонтанку, тогда какъ всѣ другіе участки сквозные. Образованіе несквозного участка кн. Огинской, слѣдующаго за участкомъ Шлихтинга по направленію къ Манежной площади — болѣе поздняго времени; этотъ участокъ

выдѣлился изъ общаго участка Нарышкиныхъ — теперь три домовые участка: гр. Шуваловой, Абаза и кн. Огинской. Въ 90-хъ годахъ XVIII столѣтія на участкѣ Нарышкина, какъ кажется, былъ дровяной дворъ купца Мясникова и выше указанный немазанный домъ.

Изъ этого описанія ясно видно, что еще въ 90-хъ годахъ XVIII вѣка, часть набережной Фонтанки, между Невскимъ проспектомъ и Итальянской улицею, находилась въ періодѣ застройки и домъ Зимина былъ, пожалуй, первымъ по времени застройки.

Что же касается до стороны Караванной улицы, удаленной отъ Фонтанки, то ея застройка началась нѣсколько ранѣе, но во всякомъ случаѣ не раньше конца 70-хъ годовъ XVIII вѣка. Къ этому выводу мы приходимъ на основаніи слѣдующихъ данныхъ. Дома на Караванной улицѣ принадлежали въ большинствѣ случаевъ купцамъ (Меншикову, Глазунову, Купріянову), только одинъ домъ — крайній на нынѣшней Манежной площади былъ чиновнаго владѣльца «г. полковника Петра Ивановича Турчанинова», — всѣ эти дома были доходные и, понятно, что владѣльцы ихъ стали дѣлать публикаціи тотчасъ послѣ постройки; между тѣмъ объявленія объ этихъ домахъ начинаютъ появляться не ранѣе 1778—1779 годовъ.

Такъ въ 1779 году въ домѣ Глазуновой на Караванной жилъ зубной врачъ Шебертъ, въ 1792 году въ этомъ же домѣ жилъ придворный скульпторъ Францъ Христіанъ Брилло — дядя родоначальника талантливой семьи художниковъ Брюлловыхъ.

Въ 1778 году появляются два дома — полковника Турчанинова угловой (нами выше указанный) и рядомъ съ нимъ домъ придворнаго кровельнаго мастера Егерера. Мы читаемъ такое объявленіе:

Фонтанка, рис. съ натуры Сабатъ, фигуры Шифлеръ, рис. на камнѣ К. Беггровъ.

«Іосифъ Жоли, учредившій, съ дозволенія Императорской Академіи Наукъ, воспитаніе для юношества обоего пола, жившій прежде въ домѣ Петра Ивановича Турчанинова, имѣетъ честь объявить обществу, что онъ перемѣнилъ квартиру и живетъ нынѣ въ домѣ придворного кровельнаго мастера Егерера въ Караванной улицѣ первой домъ на правой руки подлѣ г. Турчанинова въ среднемъ этажѣ. Имя его написано на доскѣ, привѣшанной у балкона его покоя».

«Учредившій воспитаніе для юношества обоего пола» да еще съ разрѣшенія Императорской Академіи Наукъ — обозначаетъ на современномъ языкѣ — открывшій пансіонъ для мальчиковъ и дѣвочекъ; это, кажется, былъ первый пансіонъ для дѣтей обоего пола въ Петербургѣ. Но если пальму первенства открытія такого пансіона можно еще оспаривать у Іосифа Жоли, то ему безусловно принадлежитъ первенство въ помѣщеніи вывѣски пансіона — эта вывѣска въ объявленіи объяснена довольно любопытно: «Имя его написано на доскѣ, привѣшанной у балкона его покоя». Впослѣдствіи Жоли писалъ, что его имя сдѣлано «золотыми буквами».

Не безынтересны и мотивы, на основаніи которыхъ Іосифъ Жоли избралъ для своего пансіона Караванную улицу; этими мотивами дается до извѣстной степени характеристика и самой улицы.

«Сей домъ — расхваливалъ въ 1777 году Іосифъ Жоли домъ Турчанинова — имѣетъ наилучшее положеніе какъ въ разсужденіи чистоты воздуха по открытому со всѣхъ сторонъ мѣсту, такъ и по близости саду, въ которомъ воспитывающемуся юношеству по окончаніи ученія можно ежедневно гулять для движенія вспомогающаго здоровью».

Такимъ образомъ, Караванная улица считалась, вслѣдствіе близости Императорскихъ садовъ и незначительности построекъ, мѣстностью особенно здоровою.

Все вышеизложенное и заставляетъ насъ предполагать, что домъ Зимина былъ выстроенъ около 1788 г. — даты перваго объявленія Зимина о сдачѣ квартиръ въ его новомъ домѣ.

Теперь вопросъ объ архитекторѣ. Наши данныя, повторяемъ опять, не позволяютъ намъ выйти изъ области предположеній и догадокъ, — проекта, да еще подписного, этому дому мы не нашли.

Но въ 1791 году Зиминъ почему-то хотѣлъ продать этотъ свой новый домъ и помѣстилъ о продажѣ слѣдующее объявленіе.

«На берегу Фонтанки близъ Аничковскаго моста продается Италіанской архитектуры каменной немазанной въ 3 этажа домъ, второй отъ Невской перспективы».

Въ дальнѣйшихъ объявленіяхъ указывается и фамилія хозяина этого дома — Зимина. Такимъ образомъ самъ Зиминъ называлъ свой домъ «италіанской архитектуры» — отсюда, болѣе чѣмъ вѣроятно заключеніе, что строилъ этотъ домъ архитекторъ-итальянецъ.

Но кто же былъ этотъ таинственный итальянецъ? Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, нужно посмотрѣть, не было ли при постройкѣ этого дома какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ. Обстоятельства эти безусловно были.

У Зимина имѣлся уже свой домъ, и доходный, и по размѣрамъ такой, что Зиминъ могъ свободно въ немъ жить. А между тѣмъ изъ перваго объявленія о сдачѣ квартиръ въ новопостроенномъ домѣ, какъ мы уже и подчеркивали, видно, что самая большая и луч-

шая квартира во второмъ этажѣ на Фонтанку не сдавалась, а предназначалась для самого хозяина. Очевидно, Зиминъ не довольствовался своимъ старымъ домомъ, построеннымъ такъ, какъ строили дома въ 1756 или 1761 году, — новый домъ долженъ былъ быть построенъ въ новомъ вкусѣ, и хорошо-бы, если этотъ домъ строилъ не обыкновенный рядчикъ, а какой-нибудь архитекторъ, да при томъ изъ тѣхъ, о которыхъ говорили въ городѣ, постройки которыхъ признавались образцовыми. Факты, приведенные нами изъ біографіи Зимина, явно свидѣтельствуютъ о его честолюбіи. Онъ уже не простой купецъ, а именитый гражданинъ, записанный въ обывательскую книгу перваго разряда, онъ уже бургомистръ города Петербурга и мечтаетъ занять еще болѣе высокое положеніе — быть городскимъ головою.

Что у Зимина была эта мечта, указываетъ совершенно непонятное его желаніе продать свой только-что построенный домъ въ 1791 году. Но если мы вспомнимъ, что около этого года были вторые выборы въ городскіе головы, и что послѣднимъ былъ выбранъ не Зиминъ, а купецъ Меньшиковъ, для насъ разъяснится этотъ непонятный фактъ продажи дома чуть-ли не на другой день послѣ его постройки.

Зиминъ строилъ этотъ домъ, надѣясь, что его изберутъ городскимъ головою; тогда ему нужно было имѣть такую квартиру, въ которой онъ могъ съ достоинствомъ принимать не только все именитое купечество, но и знатныхъ лицъ Петербурга, тогда ему нуженъ былъ домъ, который строилъ извѣстный архитекторъ. А такимъ архитекторомъ, входящимъ въ славу, во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII вѣка былъ Гваренги.

И поэтому, называя свой домъ «итальянской архитектуры», Зиминъ могъ подразумѣвать архитектора-итальянца Гваренги.

Самое существенное возраженіе, которое можно сдѣлать, будетъ заключаться въ томъ, что фасадъ дома ужъ слишкомъ простъ, въ немъ нѣтъ характерныхъ чертъ творчества Гваринги, нѣтъ даже и намека на колонны. Но сдѣлавшій такое замѣчаніе можетъ быть и очень хорошимъ знатокомъ и цѣнителемъ художественныхъ произведеній, но въ то же время лишеннымъ даже намека на историческую точку зрѣнія. А основываться на критеріи эстетики нѣтъ возможности, когда разсматриваются явленія жизни. Надо помнить, что Зиминъ былъ купецъ, а вѣдь только въ 1828 году было дано разрѣшеніе: «о дачѣ обывательскимъ домамъ фасадовъ вида не однообразнаго». Выстроить себѣ дворецъ съ фасадомъ Гваренги, напримѣръ, хотя бы такимъ, какой имѣетъ лежащій напротивъ домъ Екатерининскаго Института, Зиминъ не могъ даже и думать: онъ не получилъ бы, никогда, разрѣшенія отъ полиціи того времени на роскошный фасадъ.

«Ишь, купчишка, что задумалъ: палаццо себѣ строить — сказалъ бы любой чиновникъ канцеляріи оберъ-полицмейстера, — разжирѣлъ на казенныхъ подрядахъ, наворовалъ деньгу и дворцы строить; шалишь, братъ!»

Но если Зиминъ не могъ дать своему дому — по условіямъ того времени — роскошнаго фасада (хотя должны замѣтить, что нынѣ сохранившійся фасадъ дома Зимина — княгини Шаховской, несмотря на свою простоту, или, вѣрнѣе, именно вслѣдствіе этой простоты, обнаруживаетъ, что онъ не могъ быть за-

Входная лѣстница въ домѣ княгини М. А. Шаховской.

думанъ рядовымъ архитекторомъ), то на внутреннюю отдѣлку дома никто не могъ положить всевластнаго veto.

Здѣсь, внутри своего дома, Зиминъ былъ вполнѣ хозяиномъ и могъ требовать отъ архитектора и роскоши, и изящества, и тщательной отдѣлки.

И, дѣйствительно, уже одна лѣстница показываетъ, что строилъ выдающійся архитекторъ.

У входа — двѣ дорическія колонны. Онѣ, правда, нѣсколько массивны, тяжелы — но ихъ массивность объясняется тѣмъ, что онѣ поддерживаютъ капитальную стѣну; нѣсколько взадъ и вбокъ поставлена для поддержки свода третья колонна того же ордера, но такая стройная, благородно изящная, что она вполнѣ напоминаетъ колонны Гваренги. Линіи сводовъ лѣстницы проведены смѣлыми, изумительными по пропорціи кривыми — теряется совсѣмъ впечатлѣніе массивности свода, столь присущее погребамъ, нижнимъ этажамъ и вполнѣ неподходящее къ лѣстницѣ, которая, по своему назначенію стремиться впередъ, вверхъ, должна быть легка и изящна. Это впечатлѣніе достигнуто вполнѣ.

Лѣстница безъ оконъ, съ верхнимъ освѣщеніемъ. Латернеръ — вспомнимъ, какъ выражались наши предки — фонарикъ изумителенъ по простотѣ своего замысла: стѣны большими наклонами, слегка вогнутыми, незамѣтно переходятъ къ фонарику, рамка котораго имѣетъ интересный звѣздчатый переплетъ.

Если лѣстница проста и легка, то фонарикъ убранъ затѣйливыми барельефами и плафонами — опять и этотъ замыселъ обнаруживаетъ большого художника — поднимаясь, мы смотримъ вверхъ, особенно если свѣтъ падаетъ сверху, а не сбоку — и художникъ постарался

дать наслажденіе глазамъ. Четыре плафона изображаютъ главнѣйшихъ обитательницъ и обитателей Олимпа — Зевсъ и Марсъ и противъ нихъ Венера, невѣрная жена Вулкана, прельстившаяся доблестями Марса, и Минерва, какъ извѣстно, родившаяся изъ головы своего отца Зевса.

Такимъ образомъ лѣстница дома, какъ по своему замыслу, такъ и по разработкѣ его, опять-таки подтверждаетъ наше предположеніе, что домъ строилъ большой архитекторъ, пожалуй и Гваренги.

Сама квартира была вполнѣ соотвѣтствующей своему назначенію: высокія, свѣтлыя просторныя комнаты, съ карнизомъ на верху, съ обкладкою мраморомъ внизу, богато украшенныя орнаментомъ двери, красивые камины — все это свидѣтельствуетъ о томъ, давно прошедшемъ далеко, когда люди умѣли устраивать себѣ жилище.

Еще два слова о фасадѣ: если посмотрѣть на фасадъ напротивъ лежащаго Екатерининскаго Института (его строилъ Гваренги), на боковыя крылья, то мы увидимъ замѣчательное сходство съ окнами дома Зимина. Оба зданія трехъ-этажные, верхнія окна у обоихъ зданій сравнительно небольшія, четыреугольныя, почти квадратныя; окна среднихъ этажей украшены одинаковыми наличниками; есть разница въ окнахъ нижнихъ этажей: у института окна прямыя, у дома Зимина они закругленныя, но общее впечатлѣніе таково, что сходство болѣе чѣмъ разительно.

Еще одна случайность, которую мы, конечно, склонны объяснить не случайностью и не совпаденіемъ обстоятельствъ.

19 декабря 1804 года въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано такое объявленіе:

Гостиная въ домѣ княгини М. А. Шаховской.
(Напротивъ зрителя на стѣнѣ портретъ гр. Гурьева).

«Одинъ пріѣхавшій сюда недавно итальянецъ желаетъ обучать рисованію. Живетъ онъ близъ Аничковской гауптвахты въ Зиминовомъ № 13 домѣ».

Почему итальянецъ, учитель рисованія, остановился въ домѣ Зимина? И кто былъ этотъ итальянецъ? Пустился ли онъ въ далекое странствіе наугадъ, или можетъ быть, онъ былъ соотечественникомъ Гваренги, и прежде чѣмъ ѣхать въ Петербургъ, списался съ своимъ уже знаменитымъ землякомъ, а тотъ, вспомнивъ, что когда-то онъ строилъ домъ Зимина, и указалъ на этотъ домъ, какъ на временное пристанище. Безусловно, наши выводы догадка, но въ жизни, въ дѣйствительной жизни, бываютъ такія совпаденія, такія неожиданности и сплетенія, которыхъ не выдумаетъ самая пылкая фантазія.

Учителя рисованія пріѣзжали въ Петербургъ ужъ не въ слишкомъ большомъ количествѣ, а итальянцы пріѣзжали прямо единицами—и обстоятельства складываются такъ, «что пріѣхавшій сюда итальянецъ» останавливается на житье въ домѣ «итальянской архитектуры».

Итакъ, все вышеизложенное можетъ быть резюмировано слѣдующимъ образомъ:

1) Домъ былъ построенъ не позже 1788 года, приблизительно въ періодъ 1785—1788 года.

2) Домъ строилъ какой-то большой архитекторъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что это постройка Гваренги.

Выше, при разборкѣ объявленія 1788 года, мы указали, что нынѣ существующія постройки были и въ 1788 году, т. е. внѣшній видъ нынѣшняя постройка сохранила старый, съ нѣкоторымъ расширеніемъ и удлиненіемъ надворныхъ флигелей.

Въ одномъ изъ объявленій о сдачѣ третьяго этажа на Фонтанку, перечисляется довольно подробно распо-

ложеніе комнатъ — оно вполнѣ соотвѣтствуетъ нынѣшнему.

Словомъ, изъ сопоставленія всѣхъ вышеприведенныхъ и вообще собранныхъ нами данныхъ, явствуетъ, что этотъ домъ можетъ быть названъ однимъ изъ наиболѣе раннихъ по времени постройки, вполнѣ сохранившихся домовъ и въ отвѣтъ на вопросъ: который годъ? можетъ спокойно отвѣтить:

«Сто двадцать пятый!»

Гостиная въ домѣ княгини М. А. Шаховской.
(Напротивъ диванъ на стѣнѣ портретъ гр. Гурьева).

VII.

Почему стѣны старыхъ домовъ лишены возможности рѣчи — какіе увлекательные, трогательные, печальные и мрачно таинственные разсказы услыхали бы мы, если бы — по мановенію волшебной палочки феи-невидимки—открылись уста и заговорили бы стѣны.

Самая пылкая фантазія не въ состояніи представить себѣ той обыденной дѣйствительности, о которой повѣствовали бы безмолвные свидѣтели давно прошедшихъ годовъ.

Но если стѣны молчатъ, то неужели умъ человѣческій безсиленъ, чтобъ заставить ихъ говорить? Неужели же, «рѣка временъ» въ своемъ теченіи поглощаетъ безслѣдно все прошлое? Неужели же, если естествоиспытатель по ничтожной косточкѣ, по едва замѣтному слѣду на ископаемомъ сланцѣ, возстановляетъ физическій міръ прошлаго — историкъ не въ силахъ сдѣлать то же съ міромъ человѣка и, подобно мозаичисту, создающему изъ груды мелкихъ разноцвѣтныхъ камешекъ очаровательную картину, не можетъ развернуть страницы былой жизни, освѣтить маленькій уголокъ человѣческаго бытія...

Постараемся заставить говорить старыя стѣны дома Зимина...

На нашъ современный взглядъ начинается печальный разсказъ, но для отдаленнаго прошлаго онъ столько же обыкновененъ, какъ въ наши дни надоѣвшая намъ хроникерская замѣтка еще объ одной жертвѣ самоубійства.

«Молодыхъ лѣтъ парикмахеръ женской и мужской, да винокуръ, выкуривающій изъ двухъ съ половиною четвертей хлѣба отъ 14 до 16-ти ведеръ вина, продаются за умѣренныя цѣны. А спросить объ нихъ у Аничкова мосту, подлѣ гауптвахты, въ домѣ Зимина, входя изъ Садовой улицы на дворъ на правой рукѣ во второмъ жильѣ первый изъ подъѣзда ходъ».

Было имѣніе, былъ свой винокуренный заводъ, своя многочисленная дворня, исполнявшая не только всѣ нужныя работы, но и малѣйшеее желаніе—но что-то произошло—и вмѣсто имѣнія, вмѣсто большого барскаго дома съ тѣнистымъ садомъ—

Ты помнишь ли Марія,
Одинъ старинный домъ,
И липы вѣковыя
Надъ дремлющимъ прудомъ?

Садовая улица Петербурга, небольшой дворъ, на правой рукѣ во второмъ этажѣ небольшое жилье—маленькая квартира и необходимость ликвидировать послѣдніе остатки прежняго величія—за «умѣренныя цѣны» продать и того парикмахера, который былъ наученъ дѣлать «корабликъ» изъ пышныхъ бѣлокурыхъ волосъ молодой Маріи и того винокура, который, не смотря на свое изумительное умѣніе «выкуривать изъ двухъ съ половиною четвертей хлѣба до 16 ведеръ вина»,

Голубая ваза. Севр. 1782.
(Собрание княгини М. А. Шаховской).

всетаки не смогъ предотвратить своей продажи... Еще одна характерная подробность этого объявленія, вполнѣ возстановляющая колоритъ 18 вѣка. Это объявленіе написано въ спокойномъ, чуть ли не эпическомъ тонѣ, во всякомъ случаѣ въ тонѣ разсказа. Сообщаются предметы продажи и дѣлается маленькая вставка, не просто указывается адресъ, но пишется: «А спросить объ нихъ»—это маленькое междометіе «а» и служитъ тѣмъ штрихомъ, который доканчиваетъ картину; безъ него объявленіе было бы слишкомъ ординарно и не остановило бы на себѣ вниманія...

Веселаго мало разскажутъ стѣны...

Въ лѣвомъ флигелѣ — лѣвомъ входя во дворъ съ нынѣшней Караванной улицы, во второмъ этажѣ, надъ конюшнями, занималъ небольшую квартиру въ два покоя и кухню портной Маковскій, который, какъ это ни странно, не смотря на свою фамилію, былъ трудолюбивый нѣмецъ, покинувшій свой Vaterland въ чаяніи лучшихъ благъ. Но сѣверный Петербургъ не улыбнулся Маковскому. Ему не повезло. Былъ ли онъ самъ виноватъ, не умѣя угодить «петиметрамъ и франтамъ того времени», или просто такъ незадачливо складывались обстоятельства, но вмѣсто большого магазина, вмѣсто многочисленныхъ заказчиковъ, квартира надъ конюшнями, вѣчное недоѣданіе, а на рукахъ большая семья, не только жена и дѣти, но и лишній ротъ въ семьѣ — теща...

И, быть можетъ, послѣ долгой борьбы, послѣ тяжелыхъ разговоровъ, послѣдовало рѣшеніе, память о которомъ сохранили слѣдующія строчки:

«Нѣмка, пожилыхъ лѣтъ, желаетъ вступить въ господскій домъ для хожденія за дѣтьми или смотрѣнія за домомъ. О ней спросить въ Садовой улицѣ близь

Аничкова моста, домъ Зимина у портного Маковскаго».

Жертва была принесена, «die alte Mutter» пошла въ чужой домъ, но злая судьба преслѣдовала Маковскаго.

«Продается французская весьма хорошая арфа Кузиновой работы съ педалями, покрытая краснымъ лакомъ, вызолоченная, со стеклами, спросить о ней и видѣть оную могутъ подлѣ Аничкова моста въ Зиминовомъ домѣ на дворѣ, въ лѣвомъ флигелѣ у Маковскаго».

Послѣднее воспоминаніе о своей родинѣ — милая старая арфа, подъ аккомпанименть которой такъ хорошо звучали незабвенныя пѣсни — пошла въ продажу...

Конечно, быть можетъ, весь этотъ разсказъ — лишь плодъ воображенія; быть можетъ, арфа продавалась за ненадобностію или по комиссіи, а нѣмка «пожилыхъ лѣтъ», поступающая въ няньки или экономки, была вовсе не «die alte Mutter» — но если этотъ эпизодъ и не былъ на самомъ дѣлѣ, то все таки онъ могъ быть— а «маленькому человѣку» вообще не везло въ Зиминовомъ домѣ.

Покои, «удобныя для производства какого либо торгу или для мастерства», — постоянно сдавались въ наймы: жильцы этихъ покоевъ—они были въ подвальномъ этажѣ на Фонтанку—не подолгу жили въ нихъ, такъ какъ, очевидно, вносили плату не аккуратно и взыскательный Зиминъ выселялъ такихъ неплательщиковъ, или съ ними происходили катастрофы.

Калужскій купецъ Аѳанасій Потаповъ соблазнился выгоднымъ мѣстоположеніемъ дома и открылъ въ погребахъ «полпивную», что на современномъ языкѣ озна-

Панорама галереи кн. зала дома
княгини М. А. Шаховской.

чаетъ портерную, гдѣ сначала торговалъ «пивомъ и портеромъ на англинскій манеръ», продавая его по 19 копѣекъ бутылка безъ стекла, а затѣмъ и мѣстнымъ с.-петербургскимъ пивомъ лучшаго заводчика того времени, купца Усачева — память о которомъ сохраняется до нашихъ дней въ Усачевомъ переулкѣ, расположенномъ въ Коломнѣ отъ Садовой улицы до рѣки Фонтанки близъ недавно провалившагося Египетскаго моста.

Но ни «англинскій манеръ», ни «заводъ Усачева» не помогли калужскому купцу и

«отъ Санктпетербургскаго губернскаго правленія, по представленію здѣшняго надворнаго суда 3-го департамента объявляется, чтобы желающіе къ покупкѣ арестованныхъ въ домѣ титулярнаго совѣтника Зимина напитковъ пива и портера и оловянной тарелки, принадлежащихъ калужскому купцу Аѳанасію Потапову, оцѣненныхъ въ 13 рублей 23 копѣйки, явились на мѣсто сего Августа 31 числа».

Принимая во вниманіе, что бутылка пива продавалась Потаповымъ по 19 копѣекъ, и, слѣдовательно, для публичнаго торга оцѣнивалась значительно дешевле — у купца Потапова было арестовано свыше 100 бутылокъ. Для чего была «оловянная тарелка», трудно сказать, но во всякомъ случаѣ ея присутствіе въ пол-пивной показываетъ намѣреніе хозяина устроить продажу «по хорошему», «съ претензіями» — на оловянной посудѣ въ то время ѣдали и бары...

Но плакали въ домѣ Зимина не только его жильцы, а даже живущіе въ другихъ домахъ города.

Гдѣ-то въ одномъ изъ флигелей пріютился паукъ во образѣ человѣка, выражаясь фигурально; а по-просту жилъ ростовщикъ, дававшій деньги подъ закладъ вещей. У него не было вывѣски «ссудная касса», но

дорогу къ нему знали многіе, и о своемъ существованіи онъ напоминалъ иногда черезъ тѣ же самыя «Санктпетербургскія Вѣдомости», извѣщая неаккуратныхъ заимодавцевъ, что ихъ заклады будутъ проданы. Эти извѣщенія особенно любопытны по той формѣ, въ какой они дѣлались:

«Черезъ сіе извѣщается г-нъ генералъ-маіоръ П. И. П., отставной поручикъ Ф. Г. и вдова купеческая жена Татьяна Михайлова Пастухова, чтобъ они заложенныя ими весьма давно разныя вещи въ Зимиовомъ домѣ подъ № 13, что у Аничкова мосту въ теченіи 6 недѣль выкупили, въ противномъ случаѣ оныя вещи имѣютъ быть проданы».

Три закладчика, но ихъ общественное положеніе вполнѣ различное и хотя всѣ они просрочили закладъ, однако извѣщаются далеко не одинаково: вдова купеческая жена, какъ стоящая на самой низкой общественной ступени, пропечатывается полною фамиліей, отставной поручикъ обозначается только иниціалами Ф. Г., къ иниціаламъ генералъ-маіора П. И. П. присоединяется еще почтительное: «господинъ».

И ростовщики въ то время были очень вѣжливы, хотя не всегда; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они не стѣснялись, печатали полностью и именитыхъ особъ, очевидно, желая такимъ образомъ поскорѣе выручить свои деньги:

«Продаются заложенныя графомъ Ѳедоромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ двѣ просроченныя золотыя табакерки, одна съ красною амаліей (т. е. эмалью), а другая чеканная, брилліантами же осыпанная, да бриліантовый перстень солитеръ».

Весь Петербургъ 1800 года такимъ образомъ узналъ, что графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ до-

Залъ въ домѣ княгини М. А. Шаховской.

шелъ до того, что закладываетъ свои табакерки и ихъ не выкупаетъ...

А 1800-ый годъ — годъ царствованія Павла Петровича, и такой проступокъ графа Апраксина могъ обратить на себя вниманіе Императора, который въ своихъ рѣшеніяхъ иногда былъ очень скоръ...

Частную ссудную кассу въ домѣ Зимина смѣнило однородное по характеру учрежденіе, но офиціальное — аукціонная камера, которая помѣщалась въ правомъ (со стороны Караванной улицы) флигелѣ, во второмъ этажѣ (тамъ, гдѣ теперь зала и столовая съ пристроенными по проекту архитектора А. И. Фомина галлереями). Аукціонная камера просуществовала нѣсколько лѣтъ, по крайней мѣрѣ, еще въ 1808 году въ концѣ года, въ ней продавались пополудни въ 4 часа:

«ружье, пистолеты, золотыя, серебрянныя и стальныя вещи бриллiантовыя, книги на разныхъ языкахъ, платье и многія вещи съ задаткомъ не менѣе 10%».

Иногда, впрочемъ, въ эту камеру доставлялись для продажи и болѣе интересныя вещи. Особенно любопытный аукціонъ былъ 3 января 1805 года:

«По требованію вдовы бывшаго въ церкви святыхъ Петра и Павла пастора Герольда симъ извѣщается, что доставшейся ей большой механическій оркестръ Страссера, который мастеромъ симъ былъ проигранъ въ публичную лоттерею, за 60 тысячъ рублей, продаваться будетъ съ публичнаго аукціоннаго торгу сего 1805 года января 10 дня по полудня въ 6 часовъ въ аукціонной камерѣ въ 3 части въ 1-омъ кварталѣ близъ аничкова моста чрезъ одинъ домъ отъ гауптвахты по Садовой улицѣ въ домѣ г. Зимина, войдя съ воротъ на правой сторонѣ во 2 входѣ (т. е. этажѣ). Продажа имѣетъ быть съ задаткомъ не менѣе 10%».

Кому достался съ аукціоннаго торга «механическій оркестръ Страссера», мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Кажется, что этотъ «оркестръ» въ настоящее время сохраняется въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Сравнительно центральное положеніе дома Зимина, близость Лѣтняго и Аничковскаго дворцовъ, привлекало къ нему и разныхъ заѣзжихъ торговцевъ; останавливались въ немъ и бухарскіе татары, которые продавали:

«персидской породы двухъ жеребцовъ, первый шерстью гнѣдой 5 лѣтъ, ростомъ 2 аршинъ и трехъ вершковъ, второй 6 лѣтъ, росту одинаковаго съ первымъ».

Продолжительное время жилъ «нѣжинскій купецъ Константинъ Попазоглу» и, можно думать, что во время жительства этого купца въ домѣ Зимина покупатели не только приходили пѣшкомъ, но и пріѣзжали на своихъ лошадяхъ.

Нѣжинскій грекъ хотѣлъ заразъ удовлетворить обѣ половины рода человѣческаго. Для слабаго «прекраснаго» пола онъ предлагалъ «индейскія разныхъ фасоновъ и лучшей доброты шели (т. е. шали), называемые резань джеви и донлуки; индейскіе платки, разныхъ цвѣтовъ, самые лучшіе, константинопольскіе и индѣйскіе парчи».

Въ то время, какъ модницы 1803 года перебирали «резань джеви и донлуки», накидывали себѣ на голову «константинопольскія парчи» и прицѣнивались къ «индейскимъ платкамъ» — представители непрекраснаго пола любовались и «настоящими константинопольскими чубуками съ янтарными мундштуками», выбирали себѣ по вкусу трубки и набивъ ихъ «самымъ лучшимъ курительнымъ табакомъ, называемымъ энте» пускали въ

воздухъ одно за другимъ колечки, стараясь ихъ нанизать другъ на друга...

Купецъ Попазоглу не потерялъ времени и скоро, распродавъ свой товаръ, отправился обратно въ родной НѢжинъ.

Открывался въ домѣ Зимина и трактиръ, онъ носилъ громкое названіе «городъ Амстердамъ», въ немъ не только можно было «получать за сходныя цѢны всякое кушанье и напитки», но «оные же отпускались и по домамъ».

Трактиръ смѢнился кофейнымъ домомъ, носившимъ еще болѣе оригинальное названіе: «Каноникусъ». Для привлеченія къ себѣ посѢтителей, хозяинъ Каноникуса устроилъ «лотерею изъ брилліантоваго кольца, золотыхъ и серебрянныхъ вещей, числомъ 30», а самый розыгрышъ этой лотереи происходилъ, на нашъ взглядъ, не совсѢмъ обыкновенно:

«Съ Высочайшаго разрѢшенія разыгрываться будутъ въ лоттереи брилліантовое кольцо, разныя золотыя, серебрянныя и другія вещи, состоящія изъ 30-ти выигрышей».

«Какъ уже билеты довольно расходятся — заявлялъ содержатель «Каноникуса» — то чрезъ сіе приглашаются на балъ и ужинъ всѢ тѢ, кои получили или возьмутъ 4 билета отъ содержателя кофейнаго дома Каноникуса, что позади гаупвахты въ Зиминовымъ домѢ».

Такимъ образомъ и тѢ несчастливцы, которые получили — какъ говорили въ то время, «пустыя лоты», все таки могли до извѢстной степени утѢшиться и во время бала и слѢдующаго за нимъ ужина позабыть о своемъ проигрышѢ.

Въ среднемъ этажѢ Зиминъ прожилъ свои послѢдніе годы жизни, а послѢ его смерти вдова Зимина

стала сдавать это помѣщеніе, перебравшись сама на Караванную улицу.

Жильцами этой бывшей Зиминовской квартиры были богатыя и знатныя лица. Это обстоятельство опять-таки подтверждаетъ высказанное нами выше предположеніе, что квартира была богато устроена.

Такъ отсюда уѣзжалъ за границу 25-лѣтній дѣйствительный камергеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ и камердинеръ Ефимъ Гавриловъ.

Опять-таки одна изъ тѣхъ странныхъ случайностей, съ которыми намъ приходилось уже неоднократно сталкиваться. Левъ Александровичъ Нарышкинъ былъ сыномъ Александра Львовича Нарышкина и приходился племянникомъ Дмитрію Львовичу Нарышкину, отцу Эмануила и Марины Нарышкиныхъ. Послѣдняя впослѣдствіи вышла замужъ за гр. Николая Дмитріевича Гурьева, сына графа Дмитрія Александровича Гурьева, который, какъ мы уже и говорили, пріобрѣлъ домъ Зимина.

Квартира послѣ Льва Александровича Нарышкина не долго пустовала, и въ ней поселился графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ.

«Сего ноября 12 дня, къ вечеру пропалъ легавый щенокъ, кобель; примѣтами оной: весь бѣлый, на ушахъ пятнами крапины изрѣдко, хвостъ рубленой. Кто онаго щенка, поймавъ, приведетъ или объ ономъ дастъ знать 3 Адмиралтейской части въ 1 кварталѣ г-жи Зиминой подъ № 13, что возлѣ Аничкова мосту, живущему въ ономъ домѣ въ 2-мъ этажѣ на Фонтанкѣ камердинеру графа Мусина-Пушкина Брюса, Ивану Жукову, тому будетъ дано 25 рублей».

Или, дѣйствительно, собака была очень хорошая, что за нахожденіе ея давалась такая крупная по тому

времени награда 25 рублей, или же это была любимая собака графа Мусинъ-Пушкина-Брюсъ. Нашлась-ли эта бѣлая лягавая съ «рубленымъ» хвостомъ, мы не знаемъ, но, по всей вѣроятности, не ошибемся, если скажемъ, что въ конюшняхъ, въ лѣвомъ флигелѣ, произошла экзекуція того виновнаго, кто упустилъ такого дорогого щенка.

Наконецъ, можемъ указать, что раньше Нарышкина квартиру занимала какая-то «скучающая» особа — была ли это старая барыня, нѣчто вродѣ той Московской Венеры, цѣльный образъ которой нарисовалъ Пушкинъ въ своей «Пиковой дамѣ», или, можетъ быть, даже молодая красавица, жаждавшая и не находившая пока жениха, или, наконецъ, старая дѣва, потерявшая всякія надежды — не знаемъ, но эта особа помѣстила слѣдующій вызовъ:

«Желаютъ имѣть благородную женщину среднихъ лѣтъ, которая знаетъ говорить по французски и по русски и отъ части по нѣмецки для компаніи, узнать подлѣ Аничкова мосту въ Зиминовомъ домѣ № 13 по Фонтанкѣ въ 2-омъ этажѣ...

Послѣдніе года владѣнія Зимиными ихъ домомъ — большинство квартиръ въ ихъ домѣ пустовало, и Зимина предлагала желающимъ снять этажъ на Фонтанку не цѣликомъ, а только половину — но, кажется, и на половину не находилось охотниковъ...

Хроника дома Зимина любопытна въ томъ отношеніи, что она даетъ яркіе образцы, по которымъ можно составить себѣ представленіе о способахъ эксплуатаціи средняго петербургскаго дома конца XVIII — начала XIX столѣтій.

Рядомъ съ титулованными особами, въ домѣ живетъ и мелкій ремесленникъ и ростовщикъ, тутъ же

помѣщается и аукціонная камера и кофейный домъ съ страннымъ названіемъ «Каноникусъ», а въ погребахъ ютится и полпивная съ «пивомъ и портеромъ на аглинскій манеръ» и простонародная харчевня — не дѣлается еще никакой разницы между жильцами, всѣ принимаются, лишь бы платили деньги...

Гурьев Дмитрий Александрович Гурьев
(1757—1825)

VII.

Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ сохранилъ...

Были такія грамоты и у новаго владѣльца стараго Зиминскаго дома Дмитрія Александровича (впослѣдствіи графа) Гурьева.

«Божею милостью мы великіе государь Царь и великій князь Михаилъ Феодоровичъ пожаловалъ калуженина Петра Наумовича Гурьева за его многія службы, что онъ, памятуя Бога и пречистую Богородицу и московскихъ чудотворцевъ, будучи у насъ въ Московскомъ государствѣ при царѣ Василье въ нужное и прискорбное время, за вѣру крестьянскую и за святыя Божія церкви и, за насъ всѣхъ православныхъ крестьянъ, противъ враговъ нашихъ польскихъ и литовскихъ людей и русскихъ воровъ, которые до конца хотѣли разорить государство Московское и вѣру крестьянскую попрать, а онъ Петръ, будучи на Москвѣ въ осадѣ, противъ тѣхъ злодѣевъ нашихъ стоялъ крѣпко и мужественно, и многое дородство и храбрость и кровопролитіе службу показалъ, голодъ и наготу и во всемъ оскудѣніе и нужду всякую осадную

терпѣлъ многое время и на воровскую прелесть и службу ни на которую не покусился, стоялъ въ твердости разума своего крѣпко и непоколебимо безо всякія шалости... изъ ево помѣстья въ калужскомъ уѣздѣ въ отчинѣ, въ деревнѣ Сидоровской, да въ пустоши въ Терешенкахъ, да въ пустоши въ здвиженской въ вотчину со всѣми угодья»...

А подписана грамота 7132 года сентября 30 дня — т. е. въ 1624 году.

Если при Василіи Шуйскомъ, Петръ Наумовичъ Гурьевъ защищалъ Москву отъ поляковъ и отъ многочисленныхъ самозванцевъ, и былъ пожалованъ за это вотчинами, то его внукъ, стольникъ Кузьма Сильвестровичъ Гурьевъ былъ обласканъ двумя царскими грамотами отъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Первую онъ получилъ «за многую службу, что онъ во время настоящей войны съ султаномъ турскимъ и ханомъ крымскимъ, служилъ отцу нашему Великому Государю Алексѣю Михайловичу и брату нашему Великому Государю Ѳеодору Алексѣевичу, будучи въ полкахъ съ бояры нашими», вторая грамота была дана за то, что «будучи за нами Великимъ Государемъ Царемъ въ нашемъ царскаго величества походѣ въ селѣ Коломенскомъ и въ савине монастырѣ и въ селѣ воздвиженскомъ и въ троицкомъ сергіевомъ монастырѣ во время шедшаго въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ мятежѣ и нестроеніи служилъ намъ» — Кузьма Сильвестровичъ Гурьевъ, такимъ образомъ, не всталъ за княземъ Хованскимъ и стрѣльцами на сторону царевны Софіи...

При тишайшей царицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, Александръ Григорьевичъ Гурьевъ — внукъ упомянутаго нами стольника Кузьмы Сильвестровича — былъ всего

на всего секундъ-маіоромъ гвардіи, но не смотря на сравнительно невысокій чинъ, пользовался большимъ вліяніемъ и силой, такъ какъ онъ былъ ближнимъ человѣкомъ царскаго любимца Ивана Ивановича Шувалова.

О значеніи Александра Григорьевича Гурьева мы узнаемъ изъ слѣдующаго письма гр. Семена Романовича Воронцова къ отцу Роману Ларіоновичу:

«Екатеринбургскіе судьи сдѣлали совсѣмъ опредѣленіе, чтобы отнять у насъ бѣлоярскую слободу (а она у насъ наилучшая), и хотѣли ее отдать Александру Григорьевичу Гурьеву»...

Когда же гр. Семенъ Романовичъ Воронцовъ обратился къ главному судьѣ Арцыбашеву за объясненіемъ, то послѣдній «отвѣтствовалъ, что Иванъ Ивановичъ писалъ ему съ выговоромъ, для чего Гурьеву не приписали крестьянъ съ поспѣшностію, а къ другимъ тотчасъ приписали не только къ настоящимъ молотовымъ фабрикамъ, но и въ тѣ, которыя впредь обѣщали построить, хотя еще ничего не построили, да и видно, что еще въ три года не построятъ».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что калужскій помѣщикъ Александръ Григорьевичъ Гурьевъ былъ кромѣ того и Екатеринбургскимъ заводчикомъ.

Его сынъ Димитрій Александровичъ Гурьевъ — 15 лѣтъ (до сихъ поръ біографы считали годомъ рожденія Д. А. Гурьева 1751 годъ, но изъ подлиннаго формулярнаго списка видно, что онъ родился въ 1757 году) поступилъ на службу въ л.-гв. измайловскій полкъ солдатомъ 17 ноября 1772 года, черезъ недѣлю послѣ поступленія на службу былъ произведенъ въ капралы, въ слѣдующемъ 1773 году онъ получилъ сразу два повышенія въ каптенармусы и сержанты,

затѣмъ въ 1779 году былъ сдѣланъ прапоршикомъ, въ 1782 году подпоручикомъ, черезъ годъ (1783 г.) поручикомъ и, наконецъ, 1 января 1785 года капитанъ-поручикомъ.

Но въ военной службѣ Димитрій Александровичъ Гурьевъ оставался недолго и уже въ слѣдующемъ 1786 году былъ назначенъ (2 сентября) камеръ-юнкеромъ при дворѣ Екатерины II, а вскорѣ и церемоніймейстеромъ церемоніймейстерской части при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ 1795 году онъ былъ произведенъ въ камергеры.

Дмитрій Александровичъ Гурьевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногочисленныхъ придворныхъ Екатерининскаго времени, которые сохранили свое положеніе и при Павлѣ I — 1 января 1797 года Д. А. Гурьевъ былъ назначенъ гофмейстеромъ двора Великой Княгини Александры Павловны, а въ 1799 году ему повелѣно было присутствовать въ сенатѣ.

Съ вступленіемъ на престолъ Императора Александра I передъ Гурьевымъ открылось блестящее поле дѣятельности: 26 августа 1801 года Императоръ Александръ I поручилъ Д. А. Гурьеву управленіе кабинетомъ, 8 сентября 1802 года Гурьевъ сталъ товарищемъ министра финансовъ, 9 іюня 1806 года министромъ удѣловъ, а 1 января 1810 года членомъ Государственнаго совѣта и министромъ финансовъ. Но кромѣ такого повышенія по службѣ Димитрій Александровичъ Гурьевъ, кромѣ ряда милостивыхъ рескриптовъ отъ Императора Александра I, получилъ и рядъ наградъ: 1 января 1804 года орденъ св. Александра Невскаго, 27 января 1804 года чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, 18 ноября 1806 года, алмазные знаки ордена Александра Невскаго, 28 августа 1810 года денежный по-

дарокъ въ 100 т. р., 30 августа 1814 года — орденъ Владиміра I степени, 1 января 1817 года орденъ Андрея Первозваннаго и, наконецъ, 12 декабря 1819 года былъ пожалованъ въ графское достоинство.

При этомъ гр. Гурьеву былъ данъ слѣдующій гербъ: «За истинный разумъ, доброй економіи, за ясность щитовъ» (т. е. счетовъ).

«Щитъ раздѣленъ горизонтально на двѣ части, изъ коихъ въ верхней, въ красномъ полѣ, возникаетъ $^1/_2$ чернаго одноглаваго орла съ распростертыми крыльями; въ нижней части, въ голубомъ полѣ, отсѣченная рука въ латахъ изъ облака выходящая съ серебряной саблею вверхъ подъятой; щитъ покрытъ графскою короною, имѣетъ на поверхности шлемъ, увѣнчанный короною, подъ которою виденъ черный двуглавый коронованный орелъ, имѣющій на груди щитъ пурпуроваго цвѣта съ изображеніемъ вензеля Нашего имени. Наметъ серебрянаго, голубого и краснаго цвѣта, подложенный серебромъ. Щитъ держатъ на правой сторонѣ левъ, а на лѣвой единорогъ».

Но блестяще начатая карьера также внезапно прекратилась. Гр. Гурьевъ, опираясь на близкаго друга царя кн. А. Н. Голицына, не побоялся вступить въ войну со всесильнымъ, всемогущимъ графомъ «безъ лести преданнымъ» Аракчеевымъ. Борьба началась потому, что гр. Гурьевъ, какъ министръ финансовъ, требовалъ отъ военнаго министра и отчетности, и сокращенія расходовъ.

«У меня одинъ только остался злодѣй Гурьевъ — такъ говорилъ Аракчеевъ своему приближенному Маевскому, — но и тотъ, слава Богу, околѣваетъ».

Гр. Аракчеевъ въ этой борьбѣ хотя и побѣдилъ, но не вполнѣ. Императоръ Александръ I въ день Пасхи

1823 года уволилъ гр. Гурьева отъ званія министра финансовъ, оставивъ его и министромъ удѣловъ и управляющимъ кабинета...

Ударъ былъ нанесенъ гр. Гурьеву слишкомъ сильный, онъ не ожидалъ отставки — и пережилъ недолго свое паденіе; онъ умеръ 30 сентября 1825 года.

Императоръ Александръ I почтилъ вдову графа слѣдующимъ письмомъ:

Письмо Императора Александра I къ Графинѣ П. Н. Гурьевой:

C'est avec la peine la plus sensible, Comtesse, que j'ai appris la nouvelle du décis de Votre époux. Les longs et importants services, rendus par le defunt à l'Etat et les sentimens personnels que je lui ai toujours porté me rendent sa mémoire à jamais chère.

Soyez donc persuadée de la part très sincère que je prends à Votre affliction. Puisse le Ciel dans sa miséricorde Vous faire trouver quelque consolation à Votre juste douleur.

Recevez, Comtesse, l'expression de mes sentimens distingués.

(подп.) Aléxandre.

Taganrog ce 10 Oct. 1825.

Возвышеніе Гурьева связано съ именемъ М. М. Сперанскаго. Гурьевъ въ началѣ своей службы въ министерствѣ былъ орудіемъ въ рукахъ М. Сперанскаго для проведенія послѣднимъ его финансоваго плана 1810 года. Во всякомъ случаѣ, М. Сперанскій принадлежалъ къ такимъ административнымъ дѣятелямъ, которые рѣдко являются на аренѣ государственной жизни, и то обстоятельство, что Сперанскій приблизилъ

къ себѣ Гурьева, свидѣтельствуетъ въ пользу Гурьева — очевидно, Гурьевъ былъ не только «гастрономическій геній», какъ выражается Вигель, но и могъ содѣйствовать планамъ и начинаніямъ Сперанскаго.

Наконецъ, самъ Гурьевъ, въ своемъ планѣ финансоваго управленія 1816 года, повторилъ за немногими поправками финансовый планъ Сперанскаго 1810 года — слѣдовательно, онъ былъ хорошимъ ученикомъ, а главная существенная работа графа Гурьева — предложеніе 1821 года объ увеличеніи доходовъ и о уменьшеніи расходовъ по военному вѣдомству — въ первой своей половинѣ представляла переработанный проектъ Николая Тургенева, опять-таки личности недюжинной, которая могла бы сыграть значительную роль въ исторіи русской жизни, если бы не 14 декабря 1825 г.

Приведемъ основныя положенія главныхъ проектовъ графа Гурьева.

Въ 1819 году 14 декабря былъ опубликованъ таможенный уставъ, который въ общихъ чертахъ просуществовалъ до нашихъ дней.

2 апрѣля 1817 года появился указъ о замѣнѣ откуповъ казенною продажею вина (съ 1 января 1819 года). Эта казенная продажа вина, какъ видно изъ записокъ Гурьева, почиталась имъ только временной переходною мѣрою, черезъ нее должно было перейти къ акцизной системѣ, въ то время уже существовавшей въ Западной Европѣ.

5 августа 1818 года было введеніе новаго устава о соли. Казна не только была избавлена отъ значичельныхъ по соляной операціи убытковъ, но вскорѣ стала получать прибыль; въ томъ же 1818 году, вслѣдствіе настояній гр. Гурьева, было предоставлено крестьянамъ право учреждать фабрики и заводы съ освобо-

жденіемъ ихъ при этомъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ отъ платежа пошлинъ.

Наконецъ, къ 1821 году относятся проекты Гурьева о гербовомъ сборѣ и о пошлинахъ съ наслѣдствъ.

Графъ Гурьевъ полагалъ уничтожить подушную пошлину съ мѣщанъ, замѣнивъ ее сборомъ съ ихъ промысловъ, измѣнить расположеніе подати съ купцовъ по гильдіямъ, замѣнить поземельную подать доходомъ съ владѣльческихъ имѣній; затѣмъ гр. Гурьевъ обращалъ особое вниманіе на крѣпостной и гербовый сборъ, который, какъ онъ полагалъ, въ существѣ своемъ есть «одинъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ государственнаго дохода и имѣлъ передъ многими другими слѣдующія важныя преимущества:

1) бѣднѣйшіе классы народа, по положенію своему, могутъ быть почти свободными отъ платежа его.

2) богатѣйшіе граждане, дѣлающіе между собою многоразличныя сдѣлки и имѣющіе въ судебныхъ мѣстахъ значительные процессы, наиболѣе будутъ оному подвержены и, слѣдовательно, по естественному ходу вещей правительство можетъ быть увѣрено и въ обильномъ и почти бездоимочномъ доходѣ по сей части».

Наконецъ, графъ Гурьевъ считалъ необходимымъ ввести пошлину съ наслѣдства.

Вотъ тѣ главныя основанія, помощью которыхъ графъ Гурьевъ старался доказать и необходимость и справедливость этой пошлины.

«Она сообразнѣе со строгою справедливостью — писалъ гр. Гурьевъ — которая требуетъ, чтобы каждый членъ общества дѣлалъ нѣкоторыя пожертвованія за выгоды, коими онъ пользуется подъ покровомъ установленій сего общества; она платится въ самое удобнѣйшее время и именно тогда, когда наслѣдники пріо-

брѣтаютъ безъ труда то, что они не имѣли и, слѣдовательно, безъ всякаго стѣсненія, могутъ пожертвовать малозначительную часть пріобрѣтеннаго».

Пошлину съ завѣщаннаго графъ Гурьевъ полагалъ опредѣлить выше пошлины съ наслѣдства, законнымъ путемъ переходящаго, ибо въ первомъ случаѣ получающіе наслѣдство пользуются не правомъ, общимъ закономъ о наслѣдствахъ предоставленнымъ, а только волею и, весьма часто несправедливою, завѣщателя.

Этотъ проектъ Гурьева подвергся злой критикѣ графа Н. С. Мордвинова. (Любопытно, между прочимъ, что графъ Н. С. Мордвиновъ всегда считался либераломъ, гр. Гурьевъ былъ консерваторомъ, но въ данномъ случаѣ понятія перепутались).

Сдѣлавъ ссылки на Плинія, Адама Смита, возстававшихъ противъ наслѣдственной пошлины, графъ Н. С. Мордвиновъ писалъ слѣдующія строчки:

«Министръ финансовъ не освобождаетъ отъ этого, т. е. отъ пошлины, движимаго даже имущества, полученнаго по наслѣдію, сколько бы ни было кратковременное пользованіе имъ и требуетъ вѣрнаго объявленія всему наслѣдству; за утайку же полагаетъ строгое наказаніе; а за умедленіе въ подачи объявленій беретъ имѣніе въ опеку».

«Съ этимъ новымъ ущербомъ имущества, съ наказаніемъ, возлагаемымъ до сихъ поръ только за законопреступныя дѣла и поступки и съ угрозою доносовъ, уставъ гербовыхъ пошлинъ, начертанный министерствомъ финансовъ, явится въ числѣ русскихъ кротких узаконеній несовмѣстнымъ и крайне огорчительнымъ. Вводимые имъ въ семейныя дѣла доносы возмущаютъ нѣжнѣйшія чувства человѣка. Одинъ изъ семейства или ближайшій изъ друзей можетъ только

знать истинную цѣну наслѣдства и подробное ему описаніе. Возмущать вѣрность друзей, любовь родственниковъ, покорность подчиненныхъ — запрещаютъ священныя связи и взаимныя обязанности другъ къ другу миролюбивыхъ согражданъ. Награду, обѣщанную такимъ доносчикамъ, отвергаютъ законы духовные и свѣтскіе, существенная цѣль и основаніе которыхъ есть — благость нравовъ...»

«Бываютъ времена народной опасности или чувствительнаго огорченія чести и достоинства, въ которыя правительства могли быть принужденными переступить черту умѣренности и возложить налоги, предосудительные мирнымъ временамъ, и, при долговременномъ взиманіи, въ послѣдствіяхъ пагубные, но такіе налоги никогда не были признаваемы справедливыми, — ни учреждаемы постоянными и вѣчными».

«Вообще, налоги, тяжкіе или по своему количеству, или по причиняемому огорченію, должны быть облегчаемы во взиманіи ихъ; но предполагаемые нынѣ налоги министръ финансовъ вооружилъ стражею повсемѣстно, обезпечилъ доносчиками, размножилъ чиновниковъ, ему подвластныхъ, уполномочилъ ихъ не допускать къ распоряженію наслѣдствомъ и присвоилъ своему министерству всю власть надъ частною собственностью, доколѣ она не будетъ искуплена изъ руки финансоваго чиновника».

«Въ начертанной министромъ финансовъ росписи наслѣдства никто не исключается отъ уплаты устанавливаемой имъ дани; оно не щадитъ ни сына, ни дочери, ни отца, ни матери, ни вдовы, ни вдовца, ни даже бѣдностью удрученнаго человѣка, какого бы онъ состоянія ни былъ. Всѣхъ онъ ставитъ на черту повинности и вручаетъ своимъ

Вазы фарфоровые съ бронзой Завода Де Ла Куртиль XVIII вѣка.
(Собраніе княгини М. А. Шаховской).

чиновникамъ безъ различія въ преслѣдованіяхъ и наказаніяхъ».

«Достовѣрно можно сказать, что если бы пошлина на наслѣдство была принята, то она произвела бы чувствительнѣйшее огорченіе и всеобщее негодованіе, ибо она поражаетъ и оскорбляетъ законъ, вдохновлённый природою между кровными».

«По всѣмъ этимъ уваженіямъ департаменты Государственнаго совѣта отвергаютъ налогъ, во всѣхъ его постепенностяхъ, какъ противный мудрости и благочестію августѣйшаго нашего самодержца».

Таково было мнѣніе того самаго Мордвинова, про котораго декабристъ Рылѣевъ писалъ:

«Кто этотъ дивный великанъ,
Одѣянъ свѣтлой бронею,
Чело спокойно, стройный станъ,
И весь сіяетъ красотою?
Кто сей, украшенной вѣнкомъ,
Стоитъ гранитною скалою
И давитъ сильною пятой
Коварную несправедливость?»

Конечно, въ вышеприведенныхъ разсужденіяхъ гр. Гурьева о необходимости налога съ наслѣдства нѣтъ такихъ сантиментально-напыщенныхъ сентенцій, какъ въ мнѣніи гр. Н. С. Мордвинова, но, безусловно разсужденія гр. Гурьева болѣе соотвѣтствуютъ правильному взгляду на налоги...

Наконецъ, позволимъ себѣ привести еще одинъ, послѣдній проектъ, также не вошедшій въ жизнь, о гражданскомъ уложеніи государственныхъ крестьянъ.

Проектъ этотъ былъ составленъ Гурьевымъ, какъ министромъ удѣловъ, и заключалъ въ себѣ всѣ отрасли управленія: хозяйственную, полицейскую и судебную.

Въ отношеніи гражданскихъ правъ гр. Гурьевъ полагалъ уравнять государственныхъ крестьянъ съ прочими свободными состояніями; права на землю предполагалось установить 3 видовъ: полную собственность, куда отнесены земли, пріобрѣтенныя или пожалованныя; безсрочнаго содержанія, куда причислялись земли, отводимыя въ семейные участки съ платежомъ оброка, соотвѣтственно получаемому доходу отъ земли, и срочнаго содержанія, куда введены статьи, составляющія собственно государственное имущество. Надъ государственными крестьянами, совокупно съ казенными массами и имуществами, предполагалось учредить общее управленіе съ отдѣленіемъ полицейской и хозяйственной власти отъ судебной.

Проектъ этотъ въ 1824 году былъ забракованъ, а много лѣтъ потомъ имъ воспользовался гр. Киселевъ, получившій за него славу извѣстнаго либерала.

Графъ Д. А. Гурьевъ по своему званію министра финансовъ пользовался казенною квартирою, которая помѣщалась на набережной Невы противъ Мраморнаго дворца — нынѣ домъ Ратькова-Рожнова; когда-то на этомъ мѣстѣ существовалъ каменный домъ князя Кантемира, одна изъ раннихъ построекъ гр. Растрелли.

27 іюля 1814 года состоялась свадьба дочери гр. Гурьева Маріи Дмитріевны съ графомъ Нессельроде. Для молодыхъ нужно было отвести квартиру и гр. Д. А. Гурьевъ, подыскивая подходящій домъ, невольно остановилъ свое вниманіе на продававшемся тогда домѣ Зимина, мѣстоположеніе котораго около Невскаго проспекта, недалеко отъ Аничкова дворца, могло быть названо — центральнымъ.

Графъ Гурьевъ и купилъ этотъ домъ, гдѣ сначала и поселились одни новобрачные. Графъ Нессельроде

продолжалъ жить въ томъ же домѣ и сдѣлавшись министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Въ 1823 году можно было наблюдать слѣдующую, полную древней идилліи, сценку.

Въ домѣ графа Гурьева, на Караванной, жилъ министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде; тутъ же въ этомъ домѣ жилъ не только посланникъ и полномочный министръ австрійскаго Двора баронъ Лебцельтернъ, но и два секретаря австрійскаго Двора Флюсель и Швейеръ де Дюренштейнъ — такимъ образомъ въ одномъ и томъ же домѣ помѣщались и русскій министръ иностранныхъ дѣлъ и австрійское посольство; понятно, что послѣднее имѣло большую освѣдомленность въ дѣлахъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ.

Положимъ, такая идиллія наблюдалась и раньше. Въ 1810—11 годахъ, когда уже подготовлялся разрывъ съ Франціей — Императоръ Александръ I лѣтомъ жилъ въ Каменноостровскомъ дворцѣ, а черезъ Невку, на другой сторонѣ, напротивъ, занималъ дачу князя Лопухина французскій посолъ Коленкуръ и, сидя у себя въ кабинетѣ, могъ безпрепятственно наблюдать за тѣмъ, что происходило во дворцѣ Русскаго Императора, кто пріѣзжалъ во дворецъ.

Внезапно разразившаяся катастрофа надъ графомъ Гурьевымъ заставила его съ казенной квартиры переѣхать въ свой домъ—въ которомъ онъ прожилъ очень недолго, всего около двухъ лѣтъ. Трудно предположить, что за эти два года графъ сдѣлалъ какой-либо значительный ремонтъ въ домѣ. Положимъ, на планѣ 1823 года показана какая-то деревянная постройка посреди двора—можетъ быть, устроили деревянныя конюшни,—австрійское посольство того времени содержало большую конюшню.

Съ переѣздомъ Гурьева въ свой домъ, послѣдній потерялъ совершенно свой первоначальный характеръ— доходнаго дома и сдѣлался домомъ особнякомъ, въ которомъ жили до своей смерти родоначальники фамиліи графъ и графиня Гурьевы и ихъ дѣти и даже замужняя дочь съ своимъ мужемъ. Графиня Гурьева умерла въ 1830 году и домъ послѣ ея смерти перешелъ старшему сыну Александру Дмитріевичу, женатому на графинѣ Авдотьѣ Петровнѣ Толстой. Второй сынъ гр. Гурьева Николай Дмитріевичъ женился на Маринѣ Дмитріевнѣ Нарышкиной — не знаемъ, гдѣ происходила свадьба, но если въ домѣ Гурьева, то одинъ изъ приглашенныхъ, дядя Марины Дмитріевны— Левъ Александровичъ Нарышкинъ, попавъ въ домъ Гурьева, могъ вспомнить свою юность, свою квартиру въ этомъ домѣ, въ 1810 году.

Александръ Дмитріевичъ графъ Гурьевъ только черезъ 9 лѣтъ послѣ смерти матери и вступленія въ наслѣдственныя права, могъ воспользоваться квартирою въ собственномъ домѣ, такъ какъ 14 февраля 1839 года онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. До этого времени графъ А. Д. Гурьевъ служилъ въ провинціи.

Самое крупное выступленіе графа А. Д. Гурьева было 15—30 марта 1842 года, когда Государственный Совѣтъ разсматривалъ дѣло касательно взаимныхъ условій помѣщиковъ съ ихъ крестьянами.

Гр. А. Д. Гурьевъ выступилъ рѣшительнымъ противникомъ проекта. По его мнѣнію обнародованіе указа вселитъ лишь смуту въ умы.

«У крѣпостныхъ людей, — говорилъ гр. А. Д. Гурьевъ — давно уже имѣется сознаніе, будто Царь хочетъ дать свободу, а помѣщики того же не же-

лаютъ. Кто будетъ въ силахъ оспаривать несчастную мысль сію, когда она подкрѣпится всѣмъ составомъ проекта указа»?

Но государственный совѣтъ не согласился съ гр. А. Д. Гурьевымъ, и проектъ указа получилъ силу закона...

Такимъ защитникомъ крѣпостного права гр. А. Д. Гурьевъ остался всю свою жизнь, до 16 декабря 1865 года, когда онъ умеръ отъ паралитическаго удара на 81 году жизни.

«Членъ Государственнаго Совѣта и предсѣдатель хозяйственнаго департамента этого совѣта—читаемъ мы въ его некрологѣ,—онъ былъ въ 1859 году принужденъ, вслѣдствіе перваго удара отказаться отъ участія въ дѣлахъ. Шесть лѣтъ сряду боролся онъ съ тяжкою болѣзнью, каждую весну ѣздилъ въ Теплицъ пользоваться водами. Онъ имѣлъ коренныя убѣжденія и упорно защищалъ ихъ, не взирая на то, что они шли въ нѣкоторыхъ случаяхъ противно господствующему теченію и могли возбуждать неудовольствіе. О министрѣ Канкринѣ онъ говорилъ съ большимъ уваженіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ укорялъ его за разныя мѣры, принятыя подъ его правленіемъ, которыя считалъ государственными ошибками. Онъ не находилъ его достаточно твердымъ защитникомъ государственной казны — и приписывалъ его попущенію расходы излишніе и даже по мнѣнію графа Гурьева вредные. Замѣна ассигнаціоннаго рубля кредитнымъ не была также имъ безусловно одобрена. Графъ Гурьевъ говорилъ, что употребленіе цѣлковаго рубля, какъ денежной единицы вредно тѣмъ, что располагаетъ народъ къ расточительности. Онъ не находилъ словъ довольно сильныхъ, чтобы отвѣчать тѣмъ людямъ—такою нѣсколько ту-

манною фразою заканчивается некрологъ — которые судили легкомысленно о государственномъ банкротствѣ какъ о злѣ переходящемъ, печальномъ для нѣкоторыхъ!»

Судьба всегда смѣется надъ людьми. Могъ ли думать Канкринъ въ іюнѣ 1823 года, когда онъ увѣрялъ, что «всѣ данныя прежняго министра гр. Д. А. Гурьева невѣрны, что казначейство приближается къ банкротству»—что черезъ 25 лѣтъ почти то же самое будетъ говорить о немъ, Канкринѣ—предсѣдатель департамента Государственной Экономіи графъ Александръ Дмитріевичъ Гурьевъ, сынъ бывшаго министра финансовъ.

Съ 1839 года по день своей смерти гр. А. Д. Гурьевъ прожилъ въ своемъ домѣ, въ квартирѣ второго этажа, выходящаго на Фонтанку. Безусловно, за 25 лѣтъ жизни графа квартира не разъ ремонтировалась, но ремонтъ этотъ былъ поверхностный: красились стѣны, бѣлились потолки, камины замѣнялись печами и т. д.— домъ и снаружи и внутри въ главныхъ чертахъ оставался такимъ же, какимъ его создалъ первый владѣлецъ — именитый гражданинъ Гавріилъ Зиминъ.

Дочь графа А. Д. Гурьева, графиня Александра Александровна вышла замужъ за польскаго магната князя С. К. Любомирскаго. Бракъ этотъ былъ непродолжительнымъ. Молодая Любомирская умерла послѣ рожденія дочери, во владѣніе которой и перешелъ Гурьевскій домъ.

Княжна Екатерина Сигизмундовна Любомирская не жила въ Россіи, ея домомъ управляли различные управляющіе. Домъ снова принялъ первоначальный характеръ доходнаго дома—и въ 1888 году второй этажъ на Фонтанку былъ сданъ за 3660 рублей со-

Боровиковскій: Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, прапрадѣдъ княгини М. А. Шаховской.
(Собраніе княгини М. А. Шаховской).

бранію инженеровъ путей сообщенія, которое устроило здѣсь свой клубъ. Помѣщеніе было отдано съ ремонтомъ и — несмотря на то, что хозяева были инженеры, — ремонтъ дома производился самымъ варварскимъ образомъ: мраморныя стѣны и мраморные камины закрашивались масляною краскою, золотились тѣ бордюры, которые должны были оставаться безъ позолоты — словомъ, ремонтъ дѣлался такъ, какъ его считаетъ нужнымъ сдѣлать маляръ.

Въ это время произошла послѣдняя перемѣна владѣльцевъ дома. Домъ отъ княжны Екатерины Сигизмундовны Любомирской перешелъ къ княгинѣ Маріи Анатоліевнѣ Шаховской — правнукѣ графа Гурьева, урожденной княжнѣ Куракиной; такимъ образомъ, въ теченіе цѣлаго столѣтія — съ 1814 по 1914 годъ — домъ оставался въ одномъ родѣ, переходя, впрочемъ, по женской линіи...

Ожилъ старый домъ — вернулся его былой обликъ — были предприняты работы, соскоблена масляная краска, появились мраморныя стѣны, возстановлены прежнія украшенія, сдѣлана была небольшая пристройка галлереи съ полнымъ соблюденіемъ стиля, а въ самомъ домѣ, выражаясь по старинкѣ, въ «аппартаментахъ» размѣстилось одно изъ лучшихъ частныхъ собраній Петербурга, собраніе, состоящее — какъ говоритъ такой знатокъ дѣла, какъ С. Н. Тройницкій, — изъ многихъ прекрасныхъ и милыхъ предметовъ (часть ихъ воспроизведена на этихъ страницахъ); собраніе это составлялось не съ цѣлью образовать опредѣленную коллекцію, а потому, что собранные предметы представлялись красивыми, интересными и подходящими къ обстановкѣ... Ожилъ старый домъ — и въ двадцатомъ столѣтіи, рядомъ съ кипучей артеріей

столицы, рядомъ съ Невскимъ проспектомъ, по которому шумитъ трамвай, несутся автомобили, движется многотысячная толпа, рядомъ съ громаднымъ, безвкусно аляповатымъ, въ чисто буржуазномъ духѣ домомъ Лихачевыхъ, какъ бы смиренно пріютился старый-престарый домъ... Ему хорошо и спокойно — онъ чувствуетъ, что его испытанія окончились, что онъ надолго останется молчаливымъ свидѣтелемъ «прошлаго далеко», что его характерныя черты — признаки прошлаго—не будутъ уничтожаться, а наоборотъ, поддержатся заботливой рукой.

СПИСОКЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ.

	стр.
Планъ мѣстности между Екатерининскимъ каналомъ и Фонтанкой	9
Выкопировка изъ плана С.-Петербурга 1738 г.	14
Первоначальный Аничковъ мостъ.	19
Выкопировка изъ плана С.-Петербурга 1754 г.	40 — 41
Фасадъ дома Г. С. Зимина, нынѣ домъ княгини М. А. Шаховской, Фонтанка 27	56 — 57
Фонтанка, рис. съ натуры Сабатъ, фигуры Шифлеръ, рис. на камнѣ К. Беггровъ	64 — 65
Входная лѣстница въ домѣ княгини М. А. Шаховской	68 — 69
Гостиная въ домѣ княгини М. А. Шаховской	70 — 71
Вторая гостиная въ домѣ княгини М. А. Шаховской	72 — 73
Голубая ваза. Севръ, 1782. (Собраніе княгини М А. Шаховской)	74 — 75
Пристроенная галерея къ залѣ дома княгини М. А. Шаховской	76 — 77
Залъ въ домѣ княгини М. А. Шаховской	78 — 79
Портретъ графа Д. А. Гурьева	84 — 85
Рашетъ: Бюстъ Императрицы Екатерины II Императорскаго фарфороваго завода, 1783. (Собр. княгини М. А. Шаховской)	88 — 89
Вазы фарфоровыя съ бронзой. Завода Де Ля Куртиль XVIII в. (Собраніе княгини М. А. Шаховской)	94 — 95
Боровиковскій: Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, прапрадѣдъ княгини М. А. Шаховской. (Собраніе княгини М. А. Шаховской)	100 — 101

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 8 октября 1915 г.